

Международный научно-практический
правовой журнал

“ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09
Категория «С»
ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная пала-
та, Министерство внутренних дел, Министерство
здравоохранения, Институт истории, государства и
права АН РМ, Академия МВД «Штефан чел Маре»,
Славянский университет, Кагульский госуниверси-
тет Б.П. Хашдеу, Центр юридической подготовки и
исследований, Балтийская Международная Акаде-
мия.

Издается с января 1991 г.
№ 12 (230) 2010 г.

Главный редактор
Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

В. Бужор, доктор права, А. Буриан, доктор хабилитат
права, М. Георгицэ, доктор хабилитат права,
профессор, В. Гуцуляк, доктор права, профессор,
Е. Ищенко, доктор юридических наук, профессор
(Москва), И. Кайряк, доктор права, Н. Карпов,
доктор юридических наук, профессор (Киев),
Г.Костаки, доктор хабилитат права, профессор,
В. Наумов, зам. главного редактора, Б. Сосна,
доктор права, и.о. профессора, В. Флоря, доктор
права

Адрес редакции:
2012. Кишинев, ул. Пушкина, 22
Дом печати,
телефон для справок: 23-38-26

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea@molddata.md

В. ФЛОРИЯ. Применение огнестрельного ору- жия сотрудниками полиции (милиции) в пре- делах необходимой обороны.....	4
Б. СОСНА, Т. МУНТЯНУ. Правовой статус инспекции труда и её роль в укреплении закон- ности в области трудовых отношений	8
И. МУРУЯНУ. Особенности конституцион- ной ответственности как вид юридической от- ветственности	11
Н. КАРПОВ. Действие уголовно-процес- суального закона Украины во времени	16
Н. КАРПОВ, В. ШЕРШНЬОВА. Тактика про- ведения допиту при розслідуванні податкових злочинів.....	24
Г. СУЛТ, Н. БОЛГАР. Природа уголовно- процессуального принуждения и проблемы правового применения на практике.....	27
В. ЖИТАРЬ. Общий анализ социальной дис- криминации женщин, меры по её ликвидации (исторический аспект и современность).....	30
Л. БАРСУКОВА. Учредительные документы юридического лица: внесение изменений по российскому законодательству	37
V. VOTOMEI. Răspunderea administrativ- disciplinara a magistratilor	44
В. БАХИН, Н. КАРПОВ. Рецензия на моно- графию В.Н. Китаевой «Животные и престу- пления: уголовно-правовое и криминалисти- ческое исследование».....	54
Перечень публикаций в журнале «Закон и жизнь» за 2010 год	56

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.

Усл. п.л. 7,5

Отпечатано на государственном предприятии “ДИНАМО” - М.А.”

2004, г. Кишинэу, ул. Щусева, 106.

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ (МИЛИЦИИ) В ПРЕДЕЛАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В. ФЛОРЯ,

доктор права, профессор кафедры уголовного права Академии «Штефан чел Маре»
МВД Республики Молдова

SUMMARY

In the published article the author speaks about the issues which appear when firearms are used by police (militia) employees whithin the limits of justifiable defense.

* * *

В публикуемой статье автор говорит о проблемах, которые возникают при применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции (милиции) в пределах необходимой обороны.

Это один из самых больных, важных и спорных вопросов не только в повседневной практике, но и в теории. Об этом свидетельствует и то, что, к примеру, в Германии, в период с 1933 по 1984 гг., проведено пять диссертационных исследований по различным правовым аспектам применения полицией огнестрельного оружия. В России с 1994 г. по 1998 г. по данной проблематике защищены три кандидатские диссертации.

вчетверо меньше случаев – 700, в том числе 5 случаев неправомерного применения. В 1993 г. погибло 379 граждан, в том числе 24 в результате его неправомерного применения, а в 1998 г. – 140, в том числе двое в результате неправомерного применения оружия.

Наиболее обстоятельно эту проблему исследовал А.И. Каплунов [1, с. 75-82], ученый из Санкт-Петербурга. Автор отмечает, что по-прежнему имеют место обе крайности: с одной стороны нерешительность, боязнь сотрудников милиции (полиции) прибегнуть в надлежащих случаях к табельному оружию, с другой – поспешное или чрезмерное его применение или использование, приводящее к неоправданным жертвам.

Мы согласны с предложением Каплунова А.И. о дополнении Закона РФ «О милиции» 1991 г. указанием на то, что сотрудники милиции не несут ответственность за любой моральный, материальный и физический вред, причиненный правонарушителю в результате применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, если при этом не было допущено превы-

шение пределов необходимой обороны либо крайней необходимости или превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, а также с необходимостью принятия специального закона о применении силовых методов пресечения правонарушений.

Представляют интерес приведенная автором в 2-х таблицах динамика применения огнестрельного оружия сотрудниками системы МВД России в 1993-1998 г. (с.77) и сведения о производстве сотрудниками ОВД выстрелов из табельного огнестрельного оружия в случаях, не регламентированных ст.15 Закона РФ «О милиции» [2, с. 51-58] (с.56). Если в 1993 г. было зарегистрировано 2819 случаев применения огнестрельного оружия, в том числе 73 случая его неправомерного применения, то через пять лет, в 1998 г. было зарегистрировано

Это свидетельствует о том, что в условиях обычной (повседневной) оперативной обстановки практика применения огнестрельного оружия в России, начиная с 1994 г., приобрела устойчивую тенденцию к снижению. При этом число сотрудников органов внутренних дел, погибших и раненых при исполнении служебных обязанностей продолжало расти. В 1997 г. погибли 426 человек, в 1998 – 438, а число раненых в 1997 г. – 2250 человек, в 1998 г. – 2571 чел [3, с. 55]. Причем, отдельные полицейские, милиционеры погибают от их собственного оружия, которым удается завладеть преступникам.

Получается, что чем реже милиционеры применяли оружие, тем чаще они сами погибали.

Представляют интерес и сведения, приведенные А.И. Каплуновым, о производстве сотрудниками ОВД выстрелов из табельного оружия в случаях,

не регламентированных ст.15 Закона РФ «О милиции» В 1996 г. было произведено таких выстрелов 2557, а в 2001 г. только 351. В том числе, при совершении сотрудником преступления в 1996 г. – 31 случай, в 2001 г. – 18. При самоубийстве милиционеров – в 1996 г. – 89, в 2001 г. – 71. При неосторожном обращении с оружием в 1996 г. 478 случаев, в 2001 – 181 [4, с. 56]. В случаях, установленных в ч.1 ст.15 (заслуживает одобрения публикация этих статистических данных, которые до недавнего времени считались секретными) Закона РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. и Закона Республики Молдова «О полиции» от 18 декабря 1990 г., огнестрельное оружие применяется сотрудниками милиции (полиции) либо в состоянии необходимой обороны, либо при задержании лица, совершившего преступление. В отдельных случаях применения огнестрельного оружия наряду с состоянием необходимой обороны может возникнуть состояние крайней необходимости. Используется же огнестрельное оружие, как правило, в состоянии крайней необходимости, а также для производства предупредительных выстрелов в состоянии необходимой обороны, либо при задержании лица, совершившего преступление. По данным статистики, сотрудники органов внутренних дел г. Москвы за период с 1992 по 1996 г., для задержания лица, пытающегося скрыться, стреляли только вверх в 1121 случае, сделав при этом 2958 выстрелов. В результате такой предупредительной стрельбы в 1037 случаях (92,5%) правонарушители были задержаны. И только в 84 случаях (7,5%) стрельба вверх не

оказала останавливающего действия [5, с. 57].

Уголовные кодексы Республики Молдова, России, Украины предусматривают право на необходимую оборону (ст.36 УК РМ, ст.37 УК РФ, ст.36 УК Украины). Причем, в УК России и Украины эта норма сформулирована более полно, чем в УК РМ.

Так, в соответствии с частью 3 ст.37 УК РФ «3. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения». Это означает, что и сотрудник полиции (милиции) имеет это право. Право применения огнестрельного оружия в условиях необходимой обороны еще более четко сформулировано в части 5 ст.35 УК Украины, согласно которой «5. Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия (подчеркнуто нами – В.Ф.) или каких бы то ни было иных средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему».

Ст.17 Закона о полиции Республики Молдова от 18 декабря 1990 г. (МО № 17-19/56 от 31 января 2002 г.) устанавливает правила применения огнестрельного оружия сотрудником полиции. Применением оружия является производство прицельного выстрела. Сотрудники полиции могут использовать оружие для подачи сигнала тревоги

или вызова помощи, обезвреживание животного, угрожающего жизни и здоровью граждан.

Посягательством на личную безопасность сотрудника полиции наряду с другими действиями признается приближение к нему правонарушителя менее чем на три метра после требования остановиться. В Законе о полиции Республики Молдова отсутствует статья, аналогичная ст.16 Закона о милиции РФ от 18 апреля 1991 г., озаглавленной «Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника милиции», в соответствии с которой «Сотрудник милиции имеет право обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если считает, что в создавшейся обстановке могут возникнуть предусмотренные статьей 15 настоящего Закона основания для его применения (ст.15 – применение и использование огнестрельного оружия)».

Попытка лица, задерживаемого сотрудником милиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к нему, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его оружию, предоставляют сотруднику милиции право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктом 2 части первой статьи 15 настоящего Закона (2) для отражения нападения на сотрудника милиции, когда его жизнь или здоровье подвергаются опасности, а также для пресечения попытки завладения его оружием.

Следовательно, в статье 16 Закона РФ «О милиции» не устанавливается точное расстояние (в три метра или более), на которое не должен приближаться преступник. Сотрудник

милиции устанавливает это расстояние сам в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Это расстояние может быть и более трех метров.

Статья 14 Закона РМ «О полиции», часть 3 устанавливает ограничения на применение огнестрельного оружия и предусматривает, что оно не применяется против женщин и малолетних, лиц престарелого возраста, а также людей с явными физическими недостатками, за исключением случаев совершения ими вооруженного нападения, оказания сопротивления с применением оружия или группового нападения, угрожающих жизни и здоровью людей, если иными способами и средствами отразить такие действия невозможно.

Административно – правовым аспектам применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками полиции посвящена диссертация доктора права Грати Вячеслава, защищенная в Кишинёве, в Институте философии, социологии и права Академии наук Республики Молдова в 2005 году. Некоторые предложения автора по совершенствованию законодательства заслуживают внимания. Так, предлагается часть 1 ст.14 Закона РМ о полиции сформулировать следующим образом: «Огнестрельное оружие применяется или используется служащим полиции только в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и в целях задержания лица, совершившего преступление». Это подчеркивало бы тесную, неразрывную связь институтов и норм административного и уголовного права.

Можно было бы согласиться

и с предложением В. Грати об изложении части 6 ст.14 Закона РМ «О полиции» в следующей редакции: «Служащие полиции не несут ответственности за моральный, материальный и физический вред, причиненный в связи с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, если при этом не допущено превышение пределов необходимой обороны, крайней необходимости, превышение мер, необходимых для задержания преступника». Но дело в том, что УК Республики Молдова не содержит указания на недопустимость превышения этих пределов и мер.

Следовательно, это предложение может быть принято, если законодатель в РМ дополнит ст. ст. 36, 37 и 38 УК указанием на недопустимость превышения пределов необходимой обороны, крайней необходимости, превышения мер, необходимых для задержания преступника.

Считаем также нецелесообразным включение в ст.17 Закона РМ «О полиции» часть 5, которая регламентировала бы основания применения огнестрельного оружия, публичными служащими, так как этот вопрос регламентируется статьями 30-39 Закона Республики Молдова «Об оружии» от 18 мая 1994 г.

Нельзя согласиться целиком и с предложением В. Грати об изложении части 2 предлагаемой им ст.17¹ в следующей редакции: «Приближение агрессора или задерживаемого лица на расстоянии меньше 3-х метров, после требования полицейского остановиться, попытка что-то вытащить из карманов без команды полицейского (подчеркнуто нами – В.Ф.) дает

последнему право произвести прицельный выстрел в первую очередь по рукам или ногам. Иногда можно слышать утверждение, что так поступают полицейские в США. Но если даже это так, то следовало изучить законодательство США, других стран об основаниях и порядке применения или использования полицейскими огнестрельного оружия. Тогда бы такое предложение было бы более научно обоснованным.

За 9 месяцев 2009 г. сотрудники полиции Республики Молдова 17 раз применили и использовали огнестрельное оружие, за такой же период 2010 г. – 25 раз. Из них в 17 случаях оружие применяли офицеры и в 8 случаях – сержантский состав. В большинстве случаев производились предупредительные выстрелы вверх для задержания преступников. Погибших нет, один задержанный получил легкое ранение.

В трех случаях полицейские в состоянии крайней необходимости застрелили собак, одна из которых «Питбуль» напала на своего хозяина.

За незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление, ремонт или сбыт оружия и боеприпасов, их хищение возбуждено за 9 месяцев 2010 г. 103 уголовных дела (ст.290 УК РМ).

На учете в органах полиции находятся 53 687 физических лиц, которые законно владеют 59 946 огнестрельным оружием. То есть, можно сказать, что население активно вооружается.

За 9 месяцев 2010 г. было составлено 5062 административных протокола, из которых в отношении физических лиц 5045, юридических лиц 17, сумма погашенных штрафов со-

ставила 814 252 лея. Из них 23 протокола на основании ст.360 Кодекса РМ о правонарушениях (нарушение порядка, реализации индивидуального оружия); 2295 протоколов по ст.361 Кодекса РМ о правонарушениях (нарушение правил хранения, ношения индивидуального оружия); 1415 – по статье 362 – нарушение сроков перерегистрации индивидуального оружия и по другим основаниям. За различные нарушения изъято 3567 огнестрельных оружий, добровольно выдано 340 оружий, изъято 3728 боеприпасов различного калибра, 126 гранат и мин.

Для строгого соблюдения закона при применении и использовании огнестрельного оружия предлагаем ввести в Закон «О полиции» Республики Молдова статью, аналогичную статье 24 Закона «О милиции» Российской Федерации, следующего содержания: «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния сотрудника полиции». На деятельность сотрудника полиции распространяются нормы уголовного законодательства Республики Молдова о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, об обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения начальника.

Литература:

1. Закон Республики Молдова «О полиции» от 18 декабря 1990 г. (МО № 17-19/56 от 31.01.2002)
2. Закон Республики Молдова

«Об оружии» от 18 мая 1994 г. (МО № 4/43 от 08.09.1995).

3. Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026 – 1 «О милиции».

4. Уголовный кодекс РМ от 18 апреля 2002 г.

5. Уголовный кодекс РФ 1996 г.

6. Уголовный кодекс Украины 2001 г.

7. Бикмашев В.А. Уголовно-правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Автореферат канд. дисс., М., 1997.

8. Каплунов, А.И. "О" "понятиях «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элемента оборота оружия // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 51 – 58

9. Каплунов А.И. Правовое регулирование применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия: проблемы и пути совершенствования // Государство и право. – 2001. – № 5. – с. 75-82

10. Милуков " " Полномочия милиции по применению и использованию огнестрельного оружия: изменения и дополнения // Уголовное право. – 2000. – № 2. 91-93

11. Новиков В. С. Правовая основа вынужденного применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции. // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 82-88

12. Каплунов А.И. Правовые и тактические основы применения милицией огнестрельного оружия: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994

13. Князьков А.С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1998

14. Новиков В.С. Применение огнестрельного оружия сотрудниками милиции по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996

15. Новиков В.С. Профессиональная обученность сотрудников

милиции к действиям в условиях, связанных с применением газового оружия самообороны в целях нейтрализации физических лиц: Лекция.. – М., 1996

16. Grati V. Aspecte administrativ-juridice ale aplicării și folosirii armei de foc de către funcționarii de poliție. Autoreferat al Tezei de doctor în drept. Chișinău, 2005, 22 p.

1. Каплунов А.И. Правовое регулирование применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия: проблемы и пути совершенствования. «Государство и право» 2001 г., « 5, с.75-82.

Каплунов А.И, Правовые и тактические основы применения милицией огнестрельного оружия. Автореферат канд. дисс., Москва, 1994 г.

2. Каплунов А.И. О понятии «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элемента оборота оружия. «Государство и право», 2003, № 7, с.51-58.

3. Каплунов А.И. Правовое регулирование применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия: проблемы и пути совершенствования. «Государство и право» 2001, № 5, с.77.

4. Каплунов А.И. «О понятиях «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элемент оборота оружия. «Государство и право», 2003, №7, с.56.

5. Каплунов А.И. Указ. соч., с.57.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНСПЕКЦИИ ТРУДА И ЕЁ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ЗАКОННОСТИ В ОБЛАСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Б. СОСНА,
доктор права, и.о профессора Европейского университета Молдовы
Т. МУНТЯНУ,
мастерант Европейского университета Молдовы

SUMMARY

The given article is about the basic regulations of the Republic of Moldova legislation regarding the legal status of Labo(u)r Inspection and its role in the consolidation of lefaloty in labo(u)r relations sphere.

* * *

В представленном материале излагаются основные положения в законодательстве, касающиеся правового статуса Инспекции труда и её роли в укреплении законности в области трудовых отношений.

Авторы всесторонне рассматривают основные нормативные документы, регулирующие деятельность Инспекции труда РМ в сравнительном аспекте с деятельностью Инспекции труда в Российской Федерации, высказывают пожелания по дополнению законодательства Молдовы.

Правовой статус Инспекции труда установлен статьями 371-382, 386 Трудового кодекса Республики Молдова (ТК РМ), утвержденного законом РМ № 154-XV от 28.03.2003 года, законом РМ «Об Инспекции труда № 140-XV от 10.05.2001 года, статьями 55-61, 409 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях, утвержденного законом РМ № 218-XVI от 24 октября 2008 года, другими законами и подзаконными нормативными актами.

Согласно части (1) ст. 372 ТК РМ Инспекция труда является центральным отраслевым органом публичного управления, находящимся в подчинении Министерства экономики и осуществляющим государственный контроль за соблюдением законодательных и иных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, коллективных соглашений и коллективных трудовых договоров на всех предприятиях, работодателями-физическими лицами, а также в центральных и местных органах публичной власти.

Инспекции труда осуществляет государственный контроль за соблюдением норм трудового права.

Нормы трудового права содержатся в Трудовом кодексе РМ, Конвенциях Международной организации труда, законах

РМ «О страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» № 756-XIV от 24.12.1999 года, «Об охране здоровья и безопасности труда» № 186-XVI от 10.07.2008 года, «О пособиях по временной нетрудоспособности и других пособиях государственного социального страхования» № 289-XV от 22.07.2004 года, «Об оплате труда» № 847-XV от 14.02.2002 года, в других законах и подзаконных нормативных актах.

Согласно ст. 373 ТК РМ задачами Инспекции труда являются:

а) обеспечение применения положений нормативных актов, касающихся условий труда и защиты работников при осуществлении ими своих трудовых обязанностей;

б) распространение инфор-

мации о наиболее эффективных методах и средствах соблюдения трудового законодательства;

с) информирование компетентных органов публичной власти о трудностях, связанных с применением трудового законодательства.

Согласно ст. 374 части (1) ст. для реализации своих задач Инспекция труда осуществляет следующие полномочия:

1) контролирует соблюдение положений международных, законодательных и иных нормативных актов, а также коллективных соглашений, касающихся:

- а) индивидуального и коллективного трудовых договоров;
- б) трудовых книжек;
- с) рабочего времени и времени отдыха;
- д) оплаты труда;
- е) труда несовершеннолетних и женщин;
- ф) охраны труда;

3) дает в установленном законом порядке заключения о вводе в производство образцов технических средств, средств индивидуальной защиты, рабочей одежды и обуви;

4) расследует в порядке, установленном Правительством, несчастные случаи на производстве;

5) координирует деятельность по подготовке, обучению и информированию работников предприятий по вопросам, связанным с трудовыми отношениями, охраной и гигиеной труда, рабочей средой;

6) оказывает методологическую и консультативную помощь работникам и работодателям;

7) осуществляет иные полномочия, предусмотренные законом.

Важное значение имеет контроль за соблюдением законодательства, регулирующего труд женщин и несовершеннолетних.

Труд женщин регулируется ст. ст. 247-252 ТК РМ и другими законами и подзаконными нормативными актами. Трудовое законодательство запрещает применение труда женщин на определенных работах.

Запрещается применение труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением работ по санитарному и бытовому обслуживанию и работ, не требующих физического труда.

Запрещается подъем и перемещение вручную женщинами тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы.

Перечень тяжелых работ, работ с вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин, а также предельные нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении вручную тяжестей утверждаются Правительством после консультаций с патронажами и профессиональными союзами.

Список производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на

которых запрещено применение труда женщин, а также нормы предельно допустимых нагрузок для женщин при перемещении тяжестей вручную утвержден постановлением Правительства Республики Молдова № 624 от 06.10.1993 года [1, с. 159].

Согласно ст. 251 ТК РМ запрещается увольнение беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до шести лет, и лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, предусмотренном статьями 124, 126 и 127 ТК РМ, за исключением случаев, предусмотренных пунктами в) g) - к) части (1) статьи 86.

Труд несовершеннолетних регулируется ст. ст. 96, 253-257 ТК РМ, другими законами и подзаконными нормативными актами.

Согласно части (1) ст. 255 ТК РМ запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на тяжелых работах и работах с вредными и/или опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственности (азартные игры, работа в ночных заведениях, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и токсическими препаратами). Не допускается подъем и перемещение вручную указанными лицами тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы.

Согласно части (2) ст. 255 ТК РМ перечень тяжелых работ и работ с вредными и/или опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет, а также предельные нормы подъема и перемещения тяжестей для данной категории лиц,

утверждаются Правительством после консультаций с патронажами и профессиональными союзами.

Список производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными или опасными условиями труда, на которых запрещено применение труда лиц, не достигших возраста 18 лет, а также нормы предельно допустимых нагрузок при переноске и при передвижении тяжестей несовершеннолетними утвержден постановлением Правительства РМ № 562 от 07.09.1993 года [2, с. 162].

Права инспекторов труда установлены ст. 376 ТК РМ и ст. 8 закона РМ «Об инспекции труда» от 10.05.2001 года.

При осуществлении своих функций инспектор труда, по предъявлении служебного удостоверения, вправе:

а) иметь беспрепятственный доступ в любое время дня или ночи, без предварительного уведомления работодателя, на рабочие места, в служебные и производственные помещения;

б) запрашивать и получать от работодателя документы и информацию, необходимые для осуществления контроля;

с) требовать и получать, в пределах своей компетенции, объяснения от работодателя и работников;

д) требовать немедленного или в установленный срок устранения выявленных нарушений положений законодательных и других нормативных актов, относящихся к условиям труда и защите работников при выполнении ими своих функций;

е) требовать от компетентных органов публичного управления отзыва разрешения (лицензии) на деятельность работодателя

за установленное по результатам повторных проверок умышленное неисполнение предписаний об устранении нарушений трудового законодательства и норм охраны здоровья и безопасности труда (часть (1) ст. 8 закона РМ «Об инспекции труда»).

Согласно части (2) ст. 8 закона РМ «Об инспекции труда» дополнительно к правам, предусмотренным частью (1) ст. 8 этого закона, инспектор труда, обладающий полномочиями в области охраны здоровья и безопасности труда, имеет право:

а) предписывать прекращение функционирования (в том числе путем опечатывания, с указанием в протоколе проверки) мастерских, ангаров, цехов, других подразделений предприятия, учреждения, организации, эксплуатации зданий, сооружений и технических средств, а также приостановление работ и технологических процессов – лишь при явной угрозе несчастного случая;

б) предлагать отмену заключений о вводе в производство образцов технических средств и средств индивидуальной защиты, рабочей одежды и обуви, если установлено, что в связи с изменением условий, на основании которых они были выданы, не соблюдаются требования нормативных актов по охране здоровья и безопасности труда.

Государственная инспекция труда Российской Федерации обладает более широкими полномочиями, чем Инспекция труда Республики Молдова.

Согласно ст. 357 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) от 30 декабря 2009 года Государственные инспекторы труда при осуществлении государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих

нормы трудового права, имеют право:

в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, беспрепятственно в любое время суток при наличии удостоверений установленного образца посещать в целях проведения инспекции организации всех организационно-правовых форм и форм собственности, работодателей - физических лиц;

запрашивать у работодателей и их представителей, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления и безвозмездно получать от них документы, объяснения, информацию, необходимые для выполнения надзорных и контрольных функций;

изымать для анализа образцы используемых или обрабатываемых материалов и веществ в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, с уведомлением об этом работодателя или его представителя и составлять соответствующий акт;

расследовать в установленном порядке несчастные случаи на производстве;

предъявлять работодателям и их представителям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, о восстановлении нарушенных прав работников, привлечении виновных в указанных нарушениях к дисциплинарной ответственности или об отстранении их от должности в установленном порядке;

направлять в суды при наличии заключений государственной экспертизы условий труда требования о ликвидации организаций

или прекращения деятельности их структурных подразделений вследствие нарушения требований охраны труда;

выдавать предписания об отстранении от работы лиц, не прошедших в установленном порядке обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, инструктаж по охране труда, стажировку на рабочих местах и проверку знания требований охраны труда;

запрещать использование не имеющих сертификатов соответствия или деклараций о соответствии либо не соответствующих государственным нормативным требованиям охраны труда (в том числе требованиям технических регламентов) средств индивидуальной и коллективной защиты работников;

составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях в пределах полномочий, готовить и направлять в правоохранительные органы и в суд другие материалы (документы) о привлечении виновных к ответственности в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

выступать в качестве экспертов в суде по искам о нарушении трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, о возмещении вреда, причиненного здоровью работников на производстве.

В случае обращения профсоюзного органа, работника или иного лица в государственную инспекцию труда по вопросу, находящемуся на рассмотрении соответствующего органа по рассмотрению индивидуального или коллективного трудового спора (за исключением исков, принятых к рассмотрению судом, или вопросов, по которым имеется

решение суда), государственный инспектор труда при выявлении очевидного нарушения трудового законодательства или иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, имеет право выдать работодателю предписание, подлежащее обязательному исполнению. Данное предписание может быть обжаловано работодателем в суд в течение десяти дней со дня его получения работодателем или его представителем.

Сравнительный анализ ст. 376 ТК РМ и ст. 357 ТК РФ дает основание для вывода, что федеральная инспекция труда Российской Федерации наделена более широкими полномочиями, чем Инспекция труда Республики Молдова. В частности, федеральная инспекция труда вправе составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях и при выявлении очевидного нарушения вправе выдавать работодателю предписание, подлежащее обязательному исполнению. По нашему мнению, ст. 376 ТК РМ следует дополнить, предоставив Инспекции труда такие же полномочия, которые предоставляются ст. 357 ТК РФ федеральной инспекции труда.

Пункт а) части (2) ст. 386 ТК РМ дает профессиональным союзам право создавать собственные инспекции труда.

К сожалению, профессиональные союзы Республики Молдова до сих пор не воспользовались этим правом и не создали свои инспекции труда.

Литература:

1. Сосна Б.И., Горелко Н.А., «Трудовое право Республики Молдова. Научно-практическое пособие (с комментариями отдельных норм КЗоТа РМ)», Кишинев, 2001, стр. 159

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. МУРУЯНУ,
Председатель Высшей судебной палаты
Республики Молдова

RÉSUMÉ

La responsabilité juridique constitutionnelle survient pour la violation des normes juridiques constitutionnelles, c'est-à-dire pour la comettre des délites constitutionnelles – faites (action ou inaction) illégales accomplies par les sujets du raports juridique du droit constitutionnele, qui attentent sur les valeurs sociales protégés par la Constitution.

* * *

Конституционно-правовая ответственность возникает в связи с нарушением конституционных правовых норм, то есть в связи с совершением конституционного деликта - незаконное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектами конституционных правоотношений, в результате которого нарушены социальные ценности, охраняемые Конституцией.

Юридическая ответственность – важнейший институт любой правовой системы, один из существенных признаков права, необходимый элемент механизма его действия. В силу этого проблема юридической ответственности занимает одно из центральных мест, как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, включая и конституционное право [7, с. 45].

Господствующим в литературе мнением о юридической ответственности является ее трактовка как меры государственного принуждения, основанной на юридическом и общественном осуждении правонарушения и выражающейся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений (лишений) личного или имущественного порядка.

Поскольку юридическая ответственность является одним из важнейших средств организации правильного (должного) исполнения предписаний правовых актов, предупреждения и пресечения нежелательного с точки зрения закона поведения субъектов общественных отно-

шений, она является категорией, свойственной всем отраслям права, включая и конституционное [12, с. 385].

Соответственно, научные исследования последних 20-30 лет убедительно доказывают самостоятельность конституционной юридической ответственности.

В этом смысле подчеркивается, что, будучи одним из видов юридической ответственности, конституционно-правовая ответственность обладает всеми общими признаками, которые выделяют юридическую ответственность среди других социальных явлений. Она, как и любая другая юридическая ответственность, является мерой государственного принуждения, основанной на юридическом и

общественном осуждении правонарушителя и выражающейся в установлении для правонарушителя определенных отрицательных последствий.

Выделение конституционной ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, как правило, обусловлено предметом, методом, функциями конституционного права, спецификой конституционного деликта и конституционных санкций и другими особенностями конституционно-правового регулирования общественных отношений [9, с. 59].

Автор А. А. Кондрашов к числу существенных признаков конституционной ответственности относит [11, с. 37]:

- государственное и общественное осуждение в виде угрозы применения или непосредственного использования принудительных мер (преимущественно организационного характера, реже личного характера), состоящее в лишении властных полномочий, утрате юридической силы акта, роспуске государственного органа или приостановлении его работы или прекращении деятельности общественного объединения и т. п.;

- совершенное противоправное деяние, то есть конституционное правонарушение, с важнейшими его условиями – объективной противоправностью и виной;

- особую процедуру установления и возложения ответственности уполномоченным на то государственным органом (органами);

- установившуюся между правонарушителем и государством правовая связь в момент

совершения противоправного деяния, характеризующую возникновение специального охранительного отношения.

Конституционно-правовой ответственности, как и всякой другой юридической ответственности, присущи элементы кары как претерпевания неблагоприятных для правонарушителя последствий за нарушение норм конституционного права. Эта кара всегда имеет государственно-властную, принудительную природу.

В тоже время в конституционно-правовой ответственности кара имеет свои особенности, отличающие ее от кары в других видах юридической ответственности. Если, например, уголовное наказание заключается в лишениях личного и имущественного свойства, то правовые последствия реализации конституционно-правовой ответственности имеют иной характер. Отсутствуют в конституционно-правовой ответственности и такие меры государственного принуждения, как конфискация имущества, штраф и т.п.

Вместе с тем, конституционно-правовая ответственность – это не только кара за нарушение правовых норм. Здесь на первый план выступает праввосстановительная функция ответственности. Но если, например, в гражданском праве восстановление выражается в возвращении в первоначальное состояние, возмещении (компенсации) понесенных убытков и т.п., то в конституционном праве оно связано с устранением нарушений закона и принятием мер по обеспечению нормального функционирования государственного аппарата,

деятельности депутатов, должностных лиц, осуществлению конституционных прав, свобод и обязанностей граждан [12, с. 386-387].

Несмотря на все это, некоторые ученые признают существование конституционной ответственности, но считают ее частью более широкой категории – публично-правовой ответственности и как следствие противопоставляют гражданско-правовую и публично-правовую ответственность [16, с. 235]. Н. В. Витрук полагает, что «следует различать государственно-правовую (в ее рамках – парламентскую, ответственность по административному праву, ответственность по судебному праву), муниципальную и иные отраслевые виды публично-правовой ответственности, а также отраслевые виды частноправовой ответственности (гражданско-правовую и др.)» [6, с. 440].

Во многих исследованиях конституционной ответственности отмечается, что она носит политический характер [8, с. 86] и даже моральный характер [14, с. 17], а, следовательно, и ее функции имеют политический и моральный характер. По мнению Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского [17, с. 654] указание на политический и моральный характер конституционной ответственности ничего не дает для уяснения природы и социального назначения, а только вносит путаницу в вопрос об обоснованиях ее наступления.

Позняков В. Н. считает, что конституционная ответственность предполагает конгломерат моральной, политической и юридической ответственности [15, с. 13]. Опровергая эту по-

зицию, Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский [17, с. 654] отмечают, что конституционная ответственность основана на правовых, а не на моральных или политических нормах.

Достаточно отчетливо различие между политической и конституционной ответственности можно проследить у проф. Н. М. Колосовой [9, с. 59-60]. По ее мнению если политическая и нравственная ответственность власти существует и как позитивная, и как ретроспективная, то уголовная ответственность, так же как и конституционная, наступает только за конкретное деяние (ретроспективная ответственность).

Политическая ответственность – это ответственность власти перед обществом за выполнение принятых на себя обязательств, обещаний и программ. Это эффективное руководство страной, обеспечивающее ее движение вперед в экономике, духовно-нравственной, социальной и иных сферах. Кроме того, это выполнение на деле провозглашенных целей, программ, обязательств и обещаний, постоянный отчет за дела, реагирование на проблемы сограждан, общение с ними, признание своих ошибок, их активное исправление и многое другое. Другими словами, политическая ответственность – это ответственность за ненадлежащую реализацию тех властных полномочий, которые те или иные лица получили от народа как единственного источника власти.

Мерой политической ответственности будет отстранение от власти тех лиц, кто не должным образом осуществлял свои функции, но в их действиях нет

признаков состава конституционного деликта. В противном случае речь должна идти не о политической, а о конституционной ответственности.

Нравственная ответственность – это ответственность власти за реализацию полномочий на основе требований морали и справедливости. Мерой нравственной ответственности является отстранение от власти людей без чести, совести, лишенных чувства долга, справедливости.

В ряде цивилизованных стран увеличивается тенденция усиления ответственности власти за соблюдение общечеловеческой и национальной морали. Постоянно в той или иной стране отстраняют или не допускают кого-то к высокой государственной должности за прелюбодеяние, увлечение алкоголем, взяточничество и т.п.

В тоже время, М. Н. Колосова [9, с. 62-63] не поддерживает мнение о том, что политическая ответственность наступает на основании негативной оценки деятельности субъекта права, даваемое с позиции политической целесообразности (отзыв депутата, не оправдавшего доверие избирателей, выражение парламентом недоверия правительству), тогда как конституционная ответственность наступает на основании негативной оценке деятельности субъекта права с позиции права (отстранение от должности Президента за нарушение Конституции). В данном случае, автор отмечает, что отзыв депутата в случае, если это предусмотрено действующим законодательством в полном объеме (основания отзыва, механизм применения отзыва депутата) следует при-

знать мерой конституционной ответственности.

Естественно, иногда конституционная ответственность имеет ярко выраженный политический аспект и тесно соприкасается с политической ответственностью по субъектам, основаниям наступления ответственности, неблагоприятным последствиям. Однако трудно согласиться с тем, что конституционная ответственность является разновидностью политической, т. к. конституционная ответственность является разновидностью юридической ответственности, что позволяет провести демаркационную линию между конституционной и политической ответственностью. Политическая ответственность не обладает характерными чертами юридической ответственности, и, в частности, здесь отсутствует государственное принуждение [3, с. 4]. Так, отставка члена Правительства, вследствие его несогласия с официально проводимой политикой Председателя Правительства, не обладает чертами юридической ответственности, что позволяет признать такого рода отставку лишь политической мерой при условии отсутствия в действиях (бездействиях) члена Правительства признаков состава конституционного деликта.

Отстранение от должности может быть как мерой конституционной ответственности, так и политической мерой, что усложняет проблему их разграничения. С правовой точки зрения важно не столько найти различия между политической и конституционной ответственностью, сколько определить наличие или отсутствие последней в каждом конкретном случае [9, с. 63].

Соответственно, важно еще раз отметить, что основанием конституционной ответственности является наличие в действиях (бездействиях) субъекта права признаков состава конституционного деликта, тогда как политическая ответственность означает только то, что занимающее высшую государственную должность лицо может лишиться политической поддержки в силу той или иной причины [10, с. 40].

Когда мы говорим о конституционной, а не о политической ответственности, то имеем в виду, прежде всего, нарушение юридических норм, без чего невозможна реализация санкции правовой нормы. В ряде случаев добровольная отставка как вынужденная мера может быть рассмотрена в качестве конституционной санкции при условии, что субъект ответственности не выполнил свои конституционные обязанности, закрепленные в законодательстве, налицо признаки конституционного деликта.

По мнению проф. В. О. Лучина [13, с. 281] политическая ответственность предопределяет характер конституционной ответственности. Конституционная ответственность и есть политическая ответственность, но не любая, а та, которая приобретает конституционные формы.

В то же время, автор опровергает тезис, о том, что юридическая (следовательно, и конституционная) ответственность играет подчиненную роль по отношению к политической ответственности [4, с. 31]. Будучи закрепленной в Конституции, отмечает он, ответственность обретает самостоятельность,

приоритет и ее уже нельзя ставить в «зависимость», «подчинение» той ответственности, которая не получила правового оформления. Более того, всякая политическая ответственность, если она соотносится по каким-либо параметрам с Основным законом, не может ему противоречить и существовать вопреки конституционной ответственности. Конституционное признание политической ответственности не ослабляет, а усиливает ее регулятивный потенциал, повышает ее роль в упорядочении общественных отношений. Поэтому недопустимо противопоставление, равно как и фактическое отождествление конституционной и политической ответственности [13, с. 282].

Наряду с общими признаками, свойственными всем другим видам ответственности, конституционно-правовая ответственность имеет свои особенности, не свойственные ни одному другому виду юридической ответственности. Эти особенности обусловлены специфическими свойствами предмета конституционного права. Дело в том, что и степень общественной опасности правонарушений, и характер их последствий, и другие положения, формулируемые в качестве критериев разграничения юридической ответственности на различные виды, так или иначе производны от предмета и метода правового регулирования. Ответственность по этому «прежде всего ... подразделяется на виды в зависимости от того, к какой отрасли права она относится». Наряду с другими компонентами она составляет юридический признак соответствующей отрасли права [12, с. 390].

Характерной для конституционно-правовой ответственности особенностью является то, что не существует единой процедурной формы ее применения. Почти каждой мере конституционной ответственности соответствует свой особый порядок ее назначения и исполнения. Например, порядок отрешения Президента от должности иной, чем, скажем, порядок отмены незаконного акта или досрочного роспуска того или иного государственного органа и т.д.

В данном контексте важной представляется и соотношение конституционно-правовой ответственности с другими видами юридической ответственности. Здесь можно выделить несколько вариантов их раздельного или совместного применения [12, с. 392].

В одних случаях применение того или иного вида ответственности может исключить конституционно-правовую ответственность. Например, лица, захватившие власть или присвоившие властные полномочия, привлекаются к уголовной ответственности.

В других случаях применение конституционно-правовой ответственности может исключить необходимость использования какой-либо иной ответственности. Например, отставка министра в связи с его плохой работой, как правило, снимает вопрос о применении к нему мер дисциплинарной ответственности.

Иногда конституционно-правовая ответственность используется независимо от того, использована ли другая ответственность. Например, нарушение порядка подсчета голосов влечет аннулирование результа-

1) Конституция Украины. Конституционные предписания, касающиеся уголовного судопроизводства, сосредоточены, главным образом, в главе 2 «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» и главе 8 «Правосудие». Эти предписания содержат принципиальные положения, лежащие в основе уголовного процесса в целом (равенство всех перед законом и судом; свобода и неприкосновенность личности; охрана тайны телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность жилища; презумпция невиновности; гласность судопроизводства и т.д.);

2) Уголовно-процессуальный кодекс Украины (далее – УПК);

3) иные Законы Украины («О судостроительстве Украины и статусе судей», «О прокуратуре», «Об адвокатуре», «О милиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об обеспечении безопасности лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве», «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, досудебного следствия, прокуратуры и суда» и т.д.). Эти законы имеют преимущественно комплексный характер, собственный предмет правового регулирования. Уголовно-процессуальные вопросы в них урегулированы фрагментарно;

4) международные договоры по вопросам правовой помощи в уголовных делах, участником которых является Украина, ратифицированные Верховной Радой Украины (например, Европейская Конвенция о выдаче правонарушителей, 1957 г. – Закон о ратификации от 16 января

1998 г.; Европейская Конвенция о взаимной помощи по уголовным делам, 1959 г. – Закон о ратификации от 16 января 1998 г. и др.).

В соответствии с ч. 2 ст. 3 УПК при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время дознания, досудебного следствия или судебного рассмотрения дела.

Данное положение означает, что уголовно-процессуальный закон распространяется как на уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие после его вступления в силу, так и на правоотношения, возникшие до его вступления в силу. С учетом данного положения дознаватель, следователь, прокурор, судья, суд и иные участники уголовного процесса, соответственно, применяют, соблюдают, исполняют и используют во время досудебного расследования и судебного рассмотрения тот уголовно-процессуальный закон, который действуют в период производства по делу.

Нормы о действии уголовно-процессуального закона во времени охватывают две разные группы вопросов:

1) о времени вступления закона в силу и о прекращении действия закона;

2) о применении норм закона в случае изменений в законодательстве по делам, возникшим до момента принятия нового закона.

Первый этап вступления в силу закона – его опубликование (иначе, промульгация). Опубликование – это не всякая публикация, а доведение содержания закона до сведения граждан (обнародование) от имени официального государственного

органа, его издавшего, в официальном органе печати. Опубликование законов является обязательным условием их применения. Неопубликованные законы не могут применяться.

Опубликование должно последовать не позже, чем через 15 дней после принятия закона в установленном порядке и его подписания. Сейчас по этому вопросу действует Указ Президента Украины «О порядке официального обнародования нормативно-правовых актов и вступления их в силу» от 10 июня 1997 г. № 503/97 (далее – Указ № 503/97).

Указ № 503/97 определяет следующие официальные печатные издания, в которых публикуется уголовно-процессуальный закон:

1) «Официальный вестник Украины»;

2) газета «Урядовый курьер»;

3) газета «Голос Украины»;

4) «Ведомости Верховной Рады Украины»;

5) информационный бюллетень «Официальный вестник Президента Украины».

После опубликования в одном из этих изданий уголовно-процессуальный закон считается доведенным до сведения населения (официально обнародованным). При этом, если закон опубликован в какой-либо из указанных газет или в «Официальном вестнике Президента Украины», до его опубликования в «Официальном вестнике Украины», «Ведомостях Верховной Рады Украины», он вступает в силу после опубликования в той из названных газет или в «Официальном вестнике Президента Украины», где был опубликован ранее.

Опубликование уголовно-процессуального закона необходимо для выполнения требований правил, изложенных в частях 2, 3 и ст. 57 Конституции Украины. В соответствии с этими конституционными нормами законы, что определяют права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения в порядке, установленном законом. Если такие законы не доведены до сведения населения в установленном порядке, они являются недействующими.

Необходимо обратить внимание на существующее несоответствие между Указом № 503/97 и Законом «О Регламенте Верховной Рады Украины» от 10 февраля 2010 г. в части указания на официальные печатные издания, в которых публикуются законы.

В ст. 139 этого Закона указано, что подписанные Президентом Украины законы и законы, которые официально обнародованы Председателем Верховной Рады Украины, публикуются в газете «Голос Украины» и в «Ведомостях Верховной Рады Украины». Публикация законов в этих печатных средствах массовой информации считается официальной публикацией.

Таким образом, в Законе от 10 февраля 2010 г., в отличие от Указа Президента Украины № 503/97, не названы официальными печатными изданиями «Официальный вестник Украины», «Официальный вестник Президента Украины», газета «Урядовый курьер». Данное несоответствие между этими нормативными актами необходимо устранить.

Второй этап – непосредственное вступление уголовно-

процессуального закона в силу. Формы вступления уголовно-процессуального закона в силу, как и других законов, установлены в ч. 5 ст. 94 Конституции Украины. Таких форм три:

1) уголовно-процессуальный закон вступает в силу спустя 10 дней после его официального опубликования, если иное не предусмотрено этим законом;

2) уголовно-процессуальный закон вступает в силу с момента (со времени) его опубликования в официальном издании;

3) уголовно-процессуальный закон вступает в силу с того срока (с того дня), который в нем специально указан, оговорен.

Действие уголовно-процессуального закона во времени начинается с момента вступления его в силу – календарной даты, с которой все субъекты уголовного судопроизводства должны руководствоваться им, выполнять и соблюдать его предписания.

В большинстве случаев нужен определенный разрыв во времени между официальным опубликованием закона и вступлением его в действие. Этот разрыв необходим не только для ознакомления с принятым уголовно-процессуальным законом всех заинтересованных субъектов, но и для прочного усвоения его содержания государственными органами и должностными лицами, осуществляющими применение норм уголовно-процессуального права.

В ряде случаев здесь, кроме того, нужно провести необходимые подготовительные мероприятия. Например, проведение таких мероприятий предусмотрено в разделе 13 «Переходные положения» Закона «О судостроительстве и статусе судей» от 7

июля 2010 г., которым внесены существенные изменения и дополнения к УПК.

Вот почему вступление в силу крупных и сложных уголовно-процессуальных законов отдалено от момента их принятия и опубликования на довольно значительный срок (иногда несколько месяцев).

Каким же образом обеспечивается отмеченный разрыв во времени? В отношении указанных законов это достигается путем установления специального срока, по истечении которого он вступает в силу. Здесь, таким образом, вступление уголовно-процессуального закона в силу приобретает характер введения его в действие.

В качестве примера приведем Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины» от 3 апреля 2003 г. Законом были внесены изменения и дополнения в ст. ст. 120, 156, 165-3 УПК относительно порядка исчисления срока досудебного следствия и содержания под стражей при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, по которому расследование закончено. Этот Закон вступил в силу через 90 дней со дня его официального опубликования.

В некоторых случаях уголовно-процессуальный закон вступает в силу с момента его опубликования, но вводится в действие с определенного срока. Так, 11 июня 2009 г. принят Закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за коррупционные правонарушения». Этим Законом УПК дополнен статьей 27-1 «Привлечение к уголовной ответственности по заявлению

юридического лица», а также внесены дополнения к ст. ст. 98, 112 УПК. Этот Закон вступил в силу с момента его опубликования, а должен был быть введен в действие с 1 января 2010 г. Срок введения Закона в действие был продлен.

Приведем другой пример. Законом «О внесении изменений в статью 112 Уголовно-процессуального кодекса Украины» от 19 апреля 2007 г. определено, что досудебное следствие по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 115-120, 137, 140-146, 152 Уголовного кодекса Украины, проводят следователи органов внутренних дел. Закон вступил в силу с момента его официального опубликования, а введен в действие с 1 июля 2007 г.

Хотя вопрос о вступлении законов в силу урегулирован законодательством Украины довольно точно, все же в судебно-следственной практике иногда возникает вопрос: как следует исчислять сроки вступления уголовно-процессуального закона в силу после его опубликования – надо ли отсчет дней производить со дня опубликования закона или со следующего за ним дня.

Чтобы такой вопрос не возникал, целесообразно дополнить ст. 94 Конституции Украины нормой, что день опубликования закона не включается в десятидневный срок, по истечении которого законы вступают в силу. Отсчет сроков в праве всегда одинаков – течение любого срока начинается с 0 (нуля) часов следующих суток.

Как уже отмечалось, согласно ч. 5 ст. 94 Конституции Украины, закон не может вступить в силу ранее дня его опубликова-

ния. Между тем в ходе проведения в Украине «малой судебной реформы» имел место случай, когда уголовно-процессуальный закон вступил в силу ранее дня его опубликования.

Законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины» от 21 июня 2001 г. в УПК были внесены существенные изменения и дополнения, коснувшиеся многих его разделов. Как указано в заключительных положениях, этот Закон вступил в силу с 29 июня 2001 г. Однако официально он был впервые опубликован в газете «Голос Украины» 5 июля 2001 г. № 116, т.е. на седьмой день после вступления Закона в силу.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что в ст. 57 Конституции Украины содержится положение, в соответствии с которым законы, определяющие права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения в порядке, установленном законом. Если этот порядок нарушен, законы являются недействующими.

Кроме того, в ст. 152 Основного закона Украины записано, что законы по решению Конституционного Суда Украины признаются неконституционными полностью или в отдельной части, если они не соответствуют Конституции Украины или если была нарушена установленная Конституцией Украины процедура их рассмотрения, принятия или **вступления их в силу**.

Также, в ст. 15 Закона «О Конституционном Суде Украины» от 16 октября 1996 г. указано, что основанием для принятия Конституционным Судом Украины решения о неконсти-

туционности правовых актов полностью или их отдельных частей является нарушение установленной Конституцией Украины процедуры их рассмотрения, принятия и **вступления в силу**.

Очевидно, что можно поставить вопрос о конституционности Закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины» от 21 июня 2001 г., поскольку, в нарушение ч. 5 ст. 94 Конституции Украины, он вступил в силу ранее даты его официального опубликования.

Однако этот вопрос может быть разрешен только в том случае, если соответствующий субъект права на конституционное представление обратится в Конституционный Суд Украины. Такими субъектами являются Президент Украины, не менее сорока пяти народных депутатов Украины, Верховный Суд Украины, Уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека, Верховный Совет Автономной Республики Крым (ст. 40 Закона «О Конституционном Суде Украины»).

Третий этап – время утраты силы законом. Закон действует до утраты им своей силы. Утрата законом своей силы означает прекращение его действия. Известны четыре формы утраты уголовно-процессуальным законом своей силы:

1) закон утрачивает свою силу, когда он отменен или изменен другим законом. В новом законе имеется прямое указание на утрату действия ранее существовавшего закона (эта форма утраты уголовно-процессуальным законом своей силы должна преобладать, поскольку она наиболее ясна,

точна и понятна). Примером прекращения действия закона в случаях отмены его новым законом может служить Закон «О судоустройстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г., которым признаны утратившими силу законы «О статусе судей» от 15 декабря 1992 г. и «О судоустройстве Украины» от 7 февраля 2002 г.;

2) закон утрачивает свою силу, когда он заменен полностью или частично новым законом без какого-либо указания об этом в новом законе. Иными словами, новый закон издается, принимается без специального указания о том, что он заменяет собой прежний, но регулирует те же отношения, которые регулировал прежний закон. В данном случае вопрос о замене прежнего закона новым должен решаться на основе сопоставления содержания нового и прежнего законов [1, с. 15]. Момент введения в действие нового закона означает утрату силы старым законом. Например, в Законе от 28 декабря 1960 г. об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР и введении его в действие с 1 апреля 1961 г. не было указано об отмене ранее действовавшего УПК УССР, но это вытекало из самого содержания нового Кодекса, заменившего прежний;

3) закон прекращает свое действие с исчезновением условий, на которые он был рассчитан (так называемые законы определенного времени, законы временного действия);

4) закон утрачивает свою силу вследствие признания его неконституционным решением Конституционного Суда Украины. Приведем следующие примеры.

Законом от 21 июня 2001 г. ч.

6 ст. 234, ч. 3 ст. 236 УПК дополнены положениями, что жалобы на действия следователя, прокурора рассматриваются судом первой инстанции при предварительном рассмотрении дела или рассмотрении его по сути, если иное не предусмотрено этим Кодексом.

По конституционному представлению Верховного Суда Украины 30 января 2003 г. Конституционный Суд Украины признал такими, что не соответствуют Основному закону, указанные положения ч. 6 ст. 234, ч. 3 ст. 236 УПК, поскольку они не допускали рассмотрение судом на стадии досудебного расследования жалоб на постановления следователя, прокурора относительно поводов, оснований и порядка возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Эти положения утратили силу со дня вынесения Конституционным Судом Украины данного решения.

Законом от 14 декабря 2006 г. УПК дополнен ст. ст. 236-7 и 236-8, которыми урегулирован порядок обжалования в суд постановления о возбуждении уголовного дела, рассмотрения судом жалобы на это уголовно-процессуальное решение.

Верховный Суд Украины обратился в Конституционный Суд Украины с ходатайством разрешить вопрос о соответствии Основному Закону положений частей 7, 9, п. 2 ч. 16 ст. 236-8 УПК, которыми судам было предоставлено право:

- отменять постановления о возбуждении уголовного дела в случае не предоставления без уважительных причин в суд материалов, на основании которых было принято решение о возбуждении уголовного дела, в

установленный судьей срок;

- рассматривать дела об обжаловании постановлений о возбуждении уголовного дела без участия в судебном заседании прокурора;

- выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае удовлетворения жалоб на постановления о возбуждении уголовного дела и отмене соответствующих постановлений.

Решением от 30 июня 2009 г. указанные положения уголовно-процессуального закона были признаны такими, что не соответствуют Конституции Украины. Поэтому они утратили силу со дня вынесения Конституционным Судом Украины этого решения.

На наш взгляд, порядок утраты юридической силы уголовно-процессуальным законом, что признан не соответствующим Конституции Украины, должен быть несколько иным.

Решение Конституционного Суда Украины, устанавливающее неконституционность уголовно-процессуального закона, должно вступать в силу с момента его официального опубликования.

В связи с этим предлагаем изменить редакцию ч. 2 ст. 152 Конституции Украины, ч. 2 ст. 73 Закона «О Конституционном Суде Украины», записав, что законы, признанные неконституционными, утрачивают силу после официального опубликования соответствующего решения Конституционного Суда Украины.

Закон может утратить силу в связи с определенными изменениями в законодательстве. Так, Законом «О внесении изменений в Закон Украины «О статусе

депутатов местных Советов народных депутатов» от 13 января 1998 г. из этого Закона была исключена ст. 29, которая называлась «Депутатская неприкосновенность депутата местного Совета». Со дня вступления в силу этого Закона утратил силу Закон «О порядке получения согласия Совета народных депутатов на привлечение депутата к ответственности».

Действие какой-то части уголовно-процессуальных норм ранее действовавшего законодательства может некоторое время при определенных условиях продолжаться.

Так, в постановлении Верховного Совета Украины «О порядке временного действия на территории Украины отдельных актов законодательства Союза ССР» от 12 сентября 1991 г. указано, что до принятия соответствующих актов законодательства Украины на территории республики применяются акты законодательства Союза ССР по вопросам, которые не урегулированы законодательством Украины, при условии, что они не противоречат Конституции и законам Украины.

В качестве примера временного действия на территории Украины акта законодательства Союза ССР можно привести Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. Ссылка на это Положение содержится в ст. 106-1 действующего УПК.

В основном уголовно-процессуальные законы принимаются на неопределенный срок и действуют впредь до их

отмены или замены новым законом. Законы, продолжительность действия которых заранее определена временными границами при их принятии, могут быть разделены на четыре разновидности:

1) законы, временные рамки которых заранее установлены календарно. Как правило, это сравнительно небольшие сроки. Например, такой характер имел Закон «О предупредительном задержании лица» от 29 июля 1994 г. Постановлением Верховного Совета Украины о порядке введения его в действие было установлено, что он действует до 1 января 1995 г. Затем срок действия этого Закона был продлен до 1 июля 1995 г.;

2) законы, действующие в течение четко и заранее установленного количества дней. Пределы временного действия не всегда определяются указанием календарной даты, как в приведенных примерах. Законом может быть определено действие закона, издаваемого на его основе, путем установления фиксированного количества дней. Так, например, в ст. 12 Закона «Об амнистии» от 12 декабря 2008 г. указано, что этот Закон подлежит выполнению на протяжении трех месяцев;

3) законы, издаваемые как временные, но без конкретизации временных границ их действия. Временные законы принимаются до их замены постоянными законами. Этим свойством они напоминают законы, которые принимаются на неопределенный срок и действуют они до их замены новым законом;

4) законы, конечный момент действия которых обусловлен наступлением определенного

события. Так, только до 28 июня 2001 г. сохранялся существовавший порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также порядок проведения осмотра и обыска жилища или иного владения лица (п.13 Раздела 15 «Переходные положения» Конституции Украины).

С 29 июня 2001 г. начал действовать новый уголовно-процессуальный закон, определяющий, что только по постановлению суда обвиняемый (подозреваемый) подлежит заключению под стражу, в жилище или ином владении лица проводятся такие следственные действия, как осмотр и обыск.

Приведем следующий пример, когда конечный момент действия закона обуславливается наступлением определенного события. Так, в п. 9 Раздела 15 «Переходные положения» Конституции Украины, в п. 2 «Переходные положения» Закона от 2 ноября 2001г. «О внесении изменений в Закон Украины «О прокуратуре» указано, что прокуратура продолжает выполнять в соответствии с действующими законами функцию предварительного следствия – до формирования системы досудебного следствия и введения в действие законов, регулирующих ее функционирование.

Утрата законом силы означает, что с этого момента он не может применяться. Утрата законом силы может произойти прежде всего в результате его официальной отмены специальным распоряжением государственного органа. «Интересам прочного правопорядка более соответствует указание самим законодателем на акты, утра-

тившие силу, так как в процессе применения весьма трудно бывает установить, в какой мере новый акт отменяет прежний. Это устанавливается путем толкования, что не исключает иногда необоснованных решений» [2, с. 303].

Поскольку одним из источников уголовно-процессуального права являются международные договоры Украины, отдельно рассмотрим вопрос о их действии во времени.

Международные договоры Украины, содержащие уголовно-процессуальные нормы, вводятся в действие после их ратификации Верховной Радой Украины. Согласно ст. 9 Закона «О международных договорах Украины» от 29 июня 2004 г. ратификация международных договоров Украины осуществляется путем принятия закона о ратификации, неотъемлемой частью которого является текст договора.

Действующие международные договоры Украины, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства (ч. 1 ст. 9 Конституции Украины) и применяются в порядке, предусмотренном для норм национального законодательства. Если международным договором Украины, вступившим в силу в установленном порядке, установлены иные правила, чем те, что предусмотрены в УПК, то применяться должны правила международного договора.

Международные договоры публикуются на украинском языке в «Собрании действующих международных договоров Украины» и других официальных печатных изданиях Украины.

Прекращение действия международного договора Украины осуществляется в форме закона. Прекращение его действия освобождает Украину от любого обязательства по выполнению договора и не влияет на права, обязательства либо правовое положение Украины, возникшее в результате выполнения договора до прекращения его действия. Законом также приостанавливается действие международного договора Украины.

Дискуссионным является вопрос о том, могут ли уголовно-процессуальные нормы иметь обратную силу, т.е. распространяться на отношения, возникшие раньше, чем закон вступил в силу.

Мы поддерживаем распространение в юридической литературе мнение, что в отличие от уголовного, уголовно-процессуальный закон не имеет обратной силы и ни при каких обстоятельствах не распространяется на отношения, возникшие до приобретения им законной силы или после утраты таковой.

Иначе говоря, уже совершенные по делу процессуальные действия не переделываются под новый закон, т.е. поворот уголовного процесса невозможен. Это объясняется в основном тем, что при повороте процесса было бы практически невозможно собрать многие доказательства и выполнить некоторые процессуальные действия [3, с. 39].

Так, Законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины» от 21 июня 2001г. в действие были введены нормы, предусматривающие с 29 июня 2001г. судебный порядок приме-

нения заключения под стражу. Однако те из указанных решений, которые уже были приняты с санкции прокурора до 29 июня 2001 г., продолжили свое действие и после этой даты – до истечения определенных в них сроков, или изменения либо отмены меры пресечения в виде заключения под стражу, или передачи дел в суды.

Однако следует признать обоснованной позицию тех авторов, что при условии, если новые уголовно-процессуальные нормы предоставляют участнику уголовного судопроизводства дополнительные права или улучшают его положение, то они должны распространяться на отношения, возникшие и существующие ранее.

Например, если закон, содержащий дополнительные требования к производству следственного действия, вступил в силу к моменту рассмотрения уголовного дела в суде, то в случае, если доказательство, полученное в результате проведения этого следственного действия, обвинительное, суд должен руководствоваться новым законом и признать его недопустимым. При условии, что доказательство оправдательное, суд должен признать доказательство полученным законно [4, с. 52].

В связи с рассмотрением вопроса о том, имеет ли уголовно-процессуальный закон обратную силу, заслуживают внимания соответствующие положения проектов УПК Украины.

Так, ст. 5 проекта УПК № 1233 от 13 декабря 2007 г. [5] содержит следующее правило: «Производство по уголовному делу осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом, что действует на момент

выполнения определенного процессуального действия или принятия соответствующего процессуального решения, **если иное не предусмотрено этим Кодексом**».

Такая формулировка ст. 5 проекта УПК, казалось бы, допускает обратную силу в случаях, предусмотренных Кодексом. Однако анализ проекта УПК при отсутствии в его тексте каких бы то ни было исключений из общего правила о прямом действии норм уголовно-процессуального закона приводит к выводу, что этот закон не имеет обратной силы.

Тем не менее, противоречивая формулировка ст. 5 проекта УПК, в случае его принятия как закона, вызовет многообразие взглядов ученых на возможность применения норм уголовно-процессуального закона к отношениям, возникшим до его вступления в силу. Возможна также неоднозначность в принятии процессуальных решений органами дознания, следователями, прокурорами, судами. Поэтому предлагаем исключить из ст. 5 проекта УПК положение «если иное не предусмотрено этим Кодексом».

Позитивной оценки заслуживают правила, закрепленные в ст. 4 «Действие Кодекса во времени» проекта УПК Национальной комиссии с укрепления демократии и утверждения верховенства права [6]. В ч. 2 этой статьи записано, что допустимость сведений определяется положениями этого Кодекса, которые были действующими на время их получения. В ч. 3 ст. 4 закреплено важное положение, что изменения к этому Кодексу, принятые после начала выполнения отдельного про-

цессуального действия во время досудебного расследования или судебного рассмотрения, применяются только в случае, если они улучшают положение лица, относительно которого осуществляется уголовное производство.

Необходимо обратить внимание на то, что существует такое своеобразное действие уголовно-процессуального закона во времени, которое условно можно назвать «переживанием» ранее действовавшего закона.

Это явление состоит в том, что старый уголовно-процессуальный закон, отмененный новым, в какой-то мере продолжает действовать и после утраты им юридической силы. Он как бы «переживает» отведенный ему срок, в определенной степени продолжает жить и после введения в действие нового закона.

«Переживание» закона возможно только применительно к длящимся отношениям. «Оно применяется, как правило, в случаях, когда необходимо учитывать интересы лиц, вступивших в правоотношение до издания нового нормативного акта» [7, с. 246].

При рассмотрении действия закона во времени к вопросу о том, какой закон применять, добавляется другой вопрос: как его применить. Он возникает потому, что мера и степень воздействия нового закона на сложившиеся отношения, а также степень сохранения старого закона могут быть различными [8, с. 31].

Приведем следующие примеры сохранения действия («переживания») уголовно-процессуального закона.

Законом «О внесении измене-

ний в Уголовно-процессуальный кодекс Украины» от 21 июня 2001 г., который вступил в силу 29 июня 2001 г., из УПК была исключена ст. 236-4. Однако в п. 4 «Заключительные положения» этого Закона содержалось положение, что не рассмотренные по состоянию на 29 июня 2001 г. жалобы на санкции прокурора на арест рассматриваются судами с соблюдением требований ст. 236-4 УПК в редакции Закона от 15 декабря 1992 г.

В приведенном примере ст. 236-4 УПК, которая была отменена новым уголовно-процессуальным законом, в какой-то мере продолжала действовать и после утраты ею юридической силы.

Другой пример. В абз. 5 п. 2 Раздела 13 «Переходные положения» Закона «О судоустройстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г. указано следующее: «Ходатайства о пересмотре судебных решений в порядке исключительного производства по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 части первой статьи 400-4 Уголовно-процессуального кодекса Украины, поданные в Верховный Суд Украины до вступления в силу этого Закона, рассматриваются в порядке, который действовал до вступления в силу этого Закона».

Здесь также можно вести речь о сохранении действия («переживании») уголовно-процессуального закона, поскольку рассмотрение этих ходатайств должны осуществляться в порядке, установленном ранее действовавшим уголовно-процессуальным законом. «Переживание» закона в данном случае применяется к длящимся отношениям. Необходимо учи-

тивать інтереси учасників уголовного процесу, заявивших ходатайства о пересмотре судебных решений в порядке исключительного производства до вступления в силу нового уголовно-процессуального закона.

Литература:

1. Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. Днепропетровск: Пороги, 1992.
2. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. / М., 1960.
3. Смирнов В.В. Уголовный процесс: Учебник. / М.: КНОРУС, 2007.
4. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. - / М.: Изд-во Эксмо, 2005.
5. Проект Уголовно-процессуального кодекса Украины от 13 декабря 2007 г. № 1233.
6. Проект Уголовно-процессуального кодекса Украины от 10 марта 2009 Национальной комиссии с укрепления демократии и утверждения верховенства права.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т.2.- / М.: Юрид. лит., 1982.
8. Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. / М., 1969.

ТАКТИКА ПРОВЕДЕННЯ ДОПИТУ ПРИ РОЗСЛІДУВАННІ ПОДАТКОВИХ ЗЛОЧИНІВ

Н. КАРПОВ,
професор кафедри кримінального процесу Національної академії внутрішніх справ (м. Київ), доктор юридичних наук, доцент
В. ШЕРШНЬОВА,
здобувач кафедри кримінального процесу Національної академії внутрішніх справ (м. Київ)

SUMMARY

The authors of the article consider the subject of interrogation, and its features in the investigation of tax crimes, and recommend tactics for conducting the investigative actions.

* * *

Авторы рассматривают в статье предмет и особенности допроса при расследовании налоговых преступлений, а также рекомендуют тактические приемы при проведении этого следственного действия.

При розслідуванні податкових злочинів часто проводиться така слідча дія, як допит свідків і обвинувачених. Мета допиту полягає в отриманні повних і об'єктивно відтворюючих дійсність показань.

Особливістю допиту в справах, порушених за фактами ухилення від сплати податків, є те, що ця слідча дія є перевіркою всіх обставин, пов'язаних із порушенням податкового законодавства, які були виявлені в ході проведення попередніх заходів.

Предметом допиту є з'ясування обставин, що входять до предмета доказування; отримання нових фактичних даних, за допомогою яких можуть бути вирішені поточні завдання розслідування; одержання відомостей про нові джерела доказів; отримання інформації, що допоможе правильно оцінити наявні факти та сприятиме вирішенню тактичних завдань [6, с. 143].

Досягненню позитивних результатів у процесі допиту в зазначеній категорії злочинів значно сприяє ретельна підготовка слідчого до проведення даної слідчої дії та визначення предмета дослідження подальшого допиту.

Етап підготовки до допиту, на думку В.О. Коновалової і

А.М. Сербулова, включає чотири взаємопов'язаних елемента:

- 1) вивчення матеріалів кримінальної справи;
- 2) вивчення спеціальних питань;
- 3) вивчення даних про особу допитуваного;
- 4) складання плану допиту [4, с. 38–50].

Підготовка до проведення допиту осіб при розслідуванні податкових злочинів починається з вивчення і аналізу матеріалів кримінальної справи. Ці дії дозволять правильно та результативно використати інформацію в процесі допиту, визначитись із предметом допиту, сформулювати завдання, які необхідно вирішити в ході проведення вказаної слідчої дії [5, с. 111].

Суттю наступного елемен-

та є діяльність слідчого щодо ознайомлення зі спеціальними питаннями, що виникають у процесі розслідування податкових злочинів. Специфіка розслідування даної категорії злочинів проявляється у вивченні й аналізі нормативних актів, що регламентують підстави, порядок нарахування та сплати податків, правила ведення бухгалтерського обліку і надання звітності й податкових декларацій, порядок призначення та проведення документальних перевірок і відповідних експертиз. Постійна зміна діючого законодавства в сфері оподаткування впливає на якість розслідування даної категорії злочинів. На зазначеній стадії підготовки до допиту потрібно підібрати та вивчити необхідну нормативну базу. За необхідності – зробити виписки чи позначки для використання положень нормативних актів у процесі допиту. В окремих випадках слідчому доцільно отримати консультації спеціаліста-бухгалтера щодо роз'яснення окремих положень податкового законодавства, змісту спеціальних термінів, що використовуються в даній сфері, змісту акта документальної перевірки, а також одержати допомогу в з'ясуванні обставин, які виступають предметом допиту, обранні необхідних для допиту документів і формулюванні запитань.

Процес діяльності суб'єктів підприємницької діяльності відображається в документах, які служать головним джерелом інформації для слідчого. Дана інформація суттєво впливає на з'ясування обставин, що підлягають встановленню в процесі допиту. Вивчення документів, які відображають проведення фінансово-господарських операцій, дозволяє слідчому визначитись із переліком запи-

тань, відповіді на які необхідно отримати в ході допиту. Завдяки аналізу документів визначається коло осіб, які підлягають допиту, характер і обсяг подальших спеціальних досліджень (документальних перевірок, судово-бухгалтерських експертиз, техніко-криміналістичних досліджень документів).

Як правило, до свідків в даній категорії справ належать: співробітники податкових органів й інші особи, які проводять перевірку фізичних і юридичних осіб та виявляють порушення діючого законодавства; бухгалтерські працівники, які займаються обліком і складанням звітності; касири, комірники й експедитори, які оформлюють первинні документи; продавці, водії, вантажники та інші особи, які беруть участь у здійсненні господарських операцій; працівники банків, у яких відкриті розрахункові рахунки осіб, які перевіряються; представники підприємств-партнерів й інші особи, причетні до ухилення від сплати податків. Даний перелік категорій свідків не є вичерпним і залежить від характеру й обсягу діяльності господарюючого суб'єкта, а також від конкретної участі осіб у зазначеному процесі.

Вивчення особи допитуваного дозволяє слідчому визначити особливості, яких набуває процес формування показань, припустити, якою буде лінія поведінки на допиті та виробити потрібну тактику допиту [2, с. 102]. Дані про особу допитуваного можуть бути отримані з матеріалів кримінальної справи, допитів інших осіб, документів, що характеризують особу та оперативних матеріалів.

Елемент планування проведення слідчої дії є заключним етапом підготовки до допиту. Недоліком роботи більшості слідчих є нехтування скла-

данням письмового плану допиту, заміна його уявною схемою. Розслідування податкових злочинів відрізняється підвищеною складністю, тому проведення непродуманих допитів буде малоефективним. Складаючи план допиту, слідчий повинен звертати увагу на повноту, точність формулювання та послідовність запитань, що підлягають з'ясуванню, а також наявність і порядок пред'явлення речових доказів [7, с. 119–120].

Особливості вчинення ухилення від сплати податків і необхідність використання в ході допиту речових доказів і документів не дозволяють отримати повну інформацію при проведенні даної слідчої дії, використовуючи лише форму довільної розповіді. В практиці розслідування податкових злочинів застосовується форма отримання інформації у вигляді «запитання – відповідь». Вона може бути використана як самостійний спосіб отримання інформації, а також як доповнююча форму довільної розповіді. Найбільш доречною є змішана форма, за якої після розповіді відбувається постановка запитань для уточнення, доповнення та перевірки показань допитуваного. Змішана форма дозволяє постійно підтримувати на належному рівні психологічний контакт між слідчим і допитуваним. При використанні даної форми допитуваному важче формулювати неправдиві показання, що можуть бути перевірені слідчим, який має в своєму розпорядженні речові докази. Ця форма дозволяє також провести вивчення особи допитуваного.

На етапі підготовки до допиту слідчий вирішує питання часу та способу виклику конкретної особи для допиту. За необхідності слідчий може запланувати участь у допиті спеціаліста, захисника.

Практика свідчить про те, що

при допиті доцільно використовувати звуко- чи відеозапис, особливо для фіксації правдивих показань свідків про обставини, які заперечуються підозрюваними (обвинуваченими) [3, с. 38].

При розслідуванні податкових злочинів допит свідків зазвичай проводиться на початковому етапі розслідування з метою отримання необхідної інформації, яка буде використана під час допиту підозрюваних, обвинувачених, а також для доказування фактів ухилення від сплати податків. Свідки підлягають допиту на початковому етапі також тому, що зацікавленими посадовими особами можуть вживатись заходи протидії розслідуванню шляхом підкупу, залякування, шантажу по відношенню до даної категорії осіб.

Особливості вчинення злочину, сукупність наявних доказів, відносини між учасниками кримінального судочинства, протидія органам досудового слідства з боку осіб, які вчинили ухилення від сплати податків, впливають на вибір тактики й окремих тактичних прийомів при проведенні допиту (свідка, підозрюваного, обвинуваченого).

В практиці розслідування податкових злочинів слід використовувати комплекс тактичних прийомів і методичних рекомендацій стосовно їх застосування, що розроблені наукою криміналістики. На практиці досить часто використовуються і приносять позитивний результат методи психологічного впливу на допитуваного: переконання, навіювання, викриття тощо. Найчастіше під час допиту застосовуються наступні тактичні прийоми: 1) спонукання допитуваного до дачі правдивих показань; 2) пред'явлення письмових і речових доказів; 3) виявлення в показаннях протиріч і використання їх для виявлення неправ-

дивих показань; 4) постановка допитуваному запитань, що дозволяють проконтролювати показання і виявити неправдиві; 5) використання позитивних якостей допитуваного з метою виключення дачі неправдивих показань; 6) у випадку виявлення неправдивих показань – переконання допитуваного в тому, що отримані дані підлягають аналізу й контролю, отже необхідно дати достовірні показання.

Аналіз і узагальнення матеріалів кримінальних справ по податкових злочинах свідчить про значні недоліки, які допускають слідчі при проведенні допиту. Основними упущеннями є отримання показань, що не розкривають сутності та змісту злочинної діяльності, а лише в загальних рисах відображають проведену фінансово-господарську діяльність. В процесі допитів не використовуються первинні документи та бухгалтерські реєстри. В окремих випадках у процесі допиту свідків чи підозрюваних слідчі не виходять за межі отриманої інформації в ході проведення перевірок матеріалів органами дізнання шляхом відібрання пояснень.

Слід зазначити, що навіть при ретельній підготовці, складанні плану подальшої слідчої дії важко передбачити розвиток подій під час допиту, тактичні та психологічні прийоми, що можуть бути використані слідчим. Успішному проведенню допиту сприяє знання слідчим порядку та правил ведення бухгалтерського обліку і надання звітності, документообігу на підприємствах, що перевіряються, типових способів готування, вчинення, приховання злочину та протидії виявленню та розслідуванню ухилень від сплати податків.

Крім того, при розслідуванні податкових злочинів та зокрема при підготовці до проведення

допиту і реалізації інформації, отриманої в результаті проведення допиту, виникає необхідність взаємодії працівників податкової міліції з працівниками податкових інспекцій та зі співробітниками інших правоохоронних органів. Результати опитування одним із авторів даної статті оперативних працівників та слідчих органів внутрішніх справ і податкової міліції свідчать, що понад 90% респондентів наголошують на необхідності здійснення взаємодії під час розслідування податкових злочинів. 74% опитаних працівників зазначили, що така взаємодія повинна здійснюватись між підрозділами податкової міліції та органами МВС, однак лише 66% її реалізовували на практиці, а 42,5% працівників зустрічались із випадками прямої відмови у взаємодії [1, с. 317–325, 337–345, 390–395]. Такий стан справ щодо розслідування податкових злочинів, виявлення інформації, яку можна перевірити на допиті, та реалізації цієї інформації не може свідчити про належний рівень боротьби зі злочинністю у сфері оподаткування. Значна частина знань, умінь та навичок, необхідних для проведення допиту формується у процесі навчання за спеціальністю. Саме тому було проведено анкетування слухачів юридичних вузів. 75,3% респондентів зазначили, що в навчальному процесі питанням допиту приділяється недостатньо уваги. Про тактику допиту в 84,3% випадках вони дізнаються під час навчальних занять, в 71,6% випадках шляхом вивчення літератури і лише в 42,6% – в результаті ознайомлення з практикою. Саме тому 84,7% слухачів зазначають на необхідності збільшення кількості практичних занять, присвячених питанням допиту, 80,9% осіб вважають за можливе поглиблення своїх знань про

тактику допиту шляхом стажування у практичних підрозділах, а 69,4% – висловились про потребу у залученні практичних працівників до проведення навчальних занять [1, с. 431–441]. Таким чином, тісний зв'язок навчання та практики є одним із шляхів підвищення якості проведення допиту в тому числі й при розслідуванні податкових злочинів. Саме підвищення якості підготовки фахівців та дотримання криміналістичних рекомендацій щодо проведення допиту підвищить якість даної слідчої дії при розслідуванні податкових злочинів.

Література

1. Бахин В. П. Материалы к изучению практики борьбы с преступностью / Бахин В. П., Карпов Н. С. – К. : Изд-во Семенко Сергея, 2007. – 489 с.
2. Белкин Р. С. Тактика следственных действий / Р. С. Белкин, Е. М. Лифшиц. – М. : Новый Юрист, 1997. – 176 с.
3. Горинов Ю. А. Видеозапись при расследовании преступлений / Ю. А. Горинов, К. С. Скрамников. – М. : [б. и.], 1983. – 156 с.
4. Коновалова В. Е. Тактика допроса при расследовании преступлений / В. Е. Коновалова, А. М. Сербулов. – К. : Вища шк., 1978. – 94 с.
5. Лысенко В. В. Расследование уклонений от уплаты налогов, совершенных должностными лицами предприятий, организаций, учреждений / В. В. Лысенко. – Х. : Фирма «Консум», 1997. – 192 с.
6. Сологуб Н. М. Налоговые преступления: методика и тактика расследования / Н. М. Сологуб. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 164 с.
7. Чельшева О. В. Расследование налоговых преступлений : учеб.-метод. пособие / О. В. Чельшева, М. В. Феськов. – СПб : Питер, 2001. – 282 с.

ПРИРОДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ

Г. СУЛТ,
магистр права, докторант Молд.ГУ, и.о. зав. кафедрой,
ст. преподаватель Комратского госуниверситета.
Н. БОЛГАР,
магистр права, преподаватель Комратского госуниверситета.

SUMMARY

Among all kinds of state activities the criminal trial procedure most of all intervenes into the sphere of private life, thus restricting citizen's freedoms and rights. This is stipulated by the publicity of criminal proceedings.

* * *

В публикуемой статье речь идет о природе уголовно-процессуального принуждения и проблемах правового применения на практике. Авторы предлагают свои рекомендации по более эффективному применению мер пресечения, связанных с лишением свободы.

Интересы общества и государства состоят в том, чтобы установить истину по уголовному делу, привлечь виновных к ответственности, преодолеть возможное сопротивление заинтересованных лиц. В результате права частных лиц могут быть ущемлены. Так, органы, осуществляющие уголовное преследование, задерживают лиц, заключают обвиняемого под стражу, подвергают свидетеля или потерпевшего приводу, проводят обыск в жилище, арестовывают имущество, контролируют телефонные переговоры и т.д.

Меры процессуального принуждения являются индикатором соотношения публичных и частных интересов в уголовном процессе и существенно различаются по его типам.

Господство частного начала в древнем частно-состязательном типе процесса сводило к минимуму применение мер принуждения. Личная свобода обвиняемого ограничивалась в редчайших случаях. Меры принуждения преследовали цель – обеспечить возможное вознаграждение обвинителя-потерпевшего в случае выигрыша дела. Этому способствовали имущественные ограничения или личная ответственность по-

ручителя вместо обвиняемого.

Современный публично-состязательный процесс основан на ограниченном сочетании общественных и личных интересов. Защита права личности ограничивает принуждение, которое, по общему правилу, должно применяться только тогда, когда иными средствами публичных целей процесса не достичь. Для определения меры минимального, необходимого и достаточного принуждения законодательно ограничивается его максимальный предел.

Под мерами уголовно-процессуального принуждения понимаются предусмотренные

законом средства принудительного характера, применяемые в сфере уголовного судопроизводства уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами. Меры уголовно-процессуального принуждения применяются в отношении обвиняемых, подозреваемых и других лиц для предупреждения и пресечения правонарушений этих лиц в целях успешного осуществления уголовного преследования и выполнения иных задач уголовного судопроизводства.

Меры уголовно-процессуального принуждения определяются следующими основными признаками:

1. Принуждение, прежде всего, противостоит свободно-волеизъявлению. Поэтому сущность принуждения состоит в том, что оно осуществляется помимо воли и желания участников процесса. Такой подход подчеркивает необходимость исключительного использования принуждения, если метод убеждения не достиг искомого результата.

2. Процессуальное принуждение – разновидность государственного принуждения. Субъектом его применения всегда является государственный орган или должностное лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство по данному делу, а объектом – частные лица.

3. Меры уголовно-процессуального принуждения отличаются от других видов государственного принуждения тем, что они регулируются уголовно-процессуальным правом, являются частью уголовного процесса. [1]

Этим признаком данные

меры отличаются от уголовного наказания, административного, гражданско-правового и другого принуждения. Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным правом действия и решения органов, ведущих уголовное преследование, уголовное судопроизводство, ограничивающие права остальных участников процесса помимо их воли. С таким определением мер уголовно-процессуального принуждения согласны многие теоретики.

От других мер государственного принуждения меры уголовно-процессуального принуждения отличаются тем, что они:

‡применяются в период производства по уголовному делу и носят процессуальный характер;

‡применяются правомочными органами государства в пределах их полномочий;

‡применяются к участвующим в деле лицам, надлежащее поведение которых или возможность такого поведения создает или может создать препятствия для успешного хода уголовного судопроизводства;

‡имеют конкретные цели, вытекающие из общих задач судопроизводства; применяются при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующих их законность и обоснованность, имеют особое содержание и характер.

Общим основанием и пределом применения мер процессуального принуждения является необходимость достижения целей правосудия, обеспечение установленного порядка уголов-

ного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Меры процессуального принуждения применяются лишь при действительном или реально возможном появлении препятствий для движения дела.

Уголовно-процессуальный закон подробно регламентирует основания, условия, и порядок применения мер принуждения. Используется разрешительный тип правового регулирования, когда должностным лицам разрешено только то, что предусмотрено законом. Устанавливается ответственность за незаконное применение принуждения, вплоть до уголовной (например, ст. 308 УК Республики Молдова – незаконное задержание или арест). [2]

И, несмотря на это, проблем по вопросам правильного применения мер процессуального принуждения становится всё больше. Одна из них, о которой далее пойдёт речь, связана с правильным применением судьями действующего законодательства о мерах процессуального принуждения.

Анализ материалов о применении мер пресечения, связанных с предварительным арестом, указывает на существование проблемы, заключающейся в необоснованном отказе, либо удовлетворении ходатайств прокуроров об избрании мер пресечения в виде предварительного ареста.

Так, например, некоторые судьи необоснованно отказывают в удовлетворении ходатайств прокуроров об избрании мер пресечения в виде предварительного ареста в отношении подозреваемых, несмотря на наличие достаточно разумных оснований полагать, что, нахо-

дьясь на свободе, подозреваемые могут скрыться от органов правосудия или оказать давление на свидетелей по делу.

Своими определениями судьи отказывают в удовлетворении ходатайств прокуроров о применении в отношении граждан меры пресечения в виде предварительного ареста, даже в тех случаях, когда:

‡граждане подозреваются в совершении умышленных тяжких и дерзких по своему характеру преступлений, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше 5 лет, в связи с чем есть все основания полагать, что они могут скрыться от органов правосудия или оказать воздействие на потерпевших и свидетелей, которые дают отличные от них показания;

‡подозреваемые неоднократно были судимы и уже скрывались от органов уголовного преследования, выезжая за пределы Республики Молдова, в связи с чем были объявлены в розыск;

‡в материалах дела содержатся сведения о том, что граждане, местонахождение которых неизвестно, подозреваются в совершении преступлений, имевших место всего через несколько дней после установления им испытательного срока по условной мере наказания за совершённое ранее преступление.

Вместе с тем, анализ материалов о применении мер пресечения, связанных с предварительным арестом, указывает также на случаи нарушения прав подозреваемых, обвиняемых при решении вопросов, связанных с мерой пресечения.

Так, судьи необоснованно приходят к выводу о том, что по-

дозреваемые могут скрыться от органов уголовного преследования и воспрепятствовать установлению истины по делу, хотя ни в материалах ходатайства, ни в материалах уголовного дела органами уголовного преследования документально не подтверждаются факты уклонения подозреваемых от органов правосудия и воспрепятствования проведению расследования. [3]

Следует особо отметить, что возбуждение против подозреваемого многочисленных уголовных дел не может служить основанием для избрания в отношении него меры пресечения в виде предварительного ареста, поскольку в соответствии с ч.(1) ст.8 УПК Республики Молдова любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в порядке, предусмотренном УПК Республики Молдова, путем гласного судебного разбирательства с обеспечением лицу всех необходимых гарантий для своей защиты и пока его виновность не будет определена окончательным обвинительным приговором. [4]

Таким образом, на основании анализа материалов о применении мер пресечения, связанных с предварительным арестом, можно сделать вывод о том, что судебным инстанциям следует:

‡реально оценивать информацию о роли семьи, наличии постоянного места жительства и постоянного места работы, подозреваемых при вынесении определений о применении мер пресечения, связанных с лишением свободы;

‡принимать во внимание наличие доказательств о реальной

возможности психологического и физического воздействия подозреваемых на потерпевших и свидетелей;

‡учитывать степень общественной опасности лица и тяжести совершенного им деяния при вынесении определений о применении мер пресечения, касающихся лишения свободы.

Рецензент:

Виктор МОРАРУ,
доктор права, профессор
Молд.ГУ

Литература:

1. Кисеев Н.М. Уголовный процесс. Учебник. Кишинэу, издательство MONOGRAF, 2006 г.
2. Уголовный кодекс Республики Молдова. Закон РМ №985-XV от 18.04.2002г. Вступил в силу с 12.06.2003г.// Мониторул Официал ал Р.Молдова №128-129/1012 от 13.09.2002г.
3. Материалы судебной практики судебных инстанций г. Комрат и г. Чадыр-Лунга.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. Закон РМ №122-XV от 14.03.2003г. Вступил в силу с 12.06.2003г.// Мониторул Официал ал Р.Молдова №104-110 от 07.06.2003г.

ОБЩИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН, МЕРЫ ПО ЕЁ ЛИКВИДАЦИИ (исторический аспект и современность)

В. ЖИТАРЬ,
докторант, Академия «Ștefan cel Mare» МВД РМ

SUMMARY

The situation of women in society over the centuries have changed in the most opposite directions. During the period of matriarchy its significance was dominating. In an era of chivalry, it was the object of worship, but has not played in the political life of significance. Gradually, men are increasingly pushed women into the background, limiting the scope of its interests and influence of child-rearing and housekeeping. This has angered many educated women. They began to fight for their rights.

* * *

В публикуемой статье дан общий анализ социальной дискриминации женщин, предлагаются конкретные меры по устранению этого явления и, в частности, отмечается, что правовая база женского вопроса в Республике Молдова устарела, не отвечает современным условиям и требует коренных изменений.

*Дискриминация женщин (от латинского слова – *discriminatio* - различие) означает ограничение или лишение прав по признаку пола (или гендерному признаку) во всех сферах жизни общества: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Социальная дискриминация ведёт к снижению социального статуса женщины и является одной из форм насилия над её личностью, и, следовательно, угрозой для её безопасности. [1]*

на которых выдвигались те или иные задачи и методы их решения. Каждый из таких этапов получает название, отражающее основную идею данной теории или течения. Таковы, например, «рабочее женское движение» XIX- начала XX века, суфражизм (борьба за избирательные права для женщин), демократическое женское движение, «чёрное освобождение», феминизм.

Суть идеи равноправия мужчин и женщин, их равных возможностей, состоит в том, что по своему интеллектуальному и физическому потенциалу женщина ни в чём не уступает мужчине. Для неё не существует принципиально закрытых, недоступных сфер умственного и физического труда. Ни один закон не должен запрещать женщине заниматься тем или иным делом, осваивать ту или иную профессию. Её святое право - полная свобода личного выбора видов и форм деятельности для ее самореализации. Такая поста-

Истоки социальной дискриминации женщин следует искать в глубокой древности. Уже тогда учёные и политики прикрывали неравноправное положение женщины в обществе, её угнетение и эксплуатацию спорами о том, является ли женщина человеком и имеет ли она душу. Взгляд на женщину как на неполноценное существо нашёл своё отражение в теологических и философских трудах древнего мира. Чувство примитивно-грубого мужского превосходства над женщиной выражено следующими словами: «Что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина». Со времён Со-

крата прошло почти два с половиной тысячелетия. Но и в наши дни многие государственные и общественные деятели, учёные и в их числе социологи выступают против самого понятия социальная дискриминация женщины. Его подменяют призывами к борьбе за их равноправие с мужчинами. Но это не одно и то же. Необходимой идеей к равноправию полов является преодоление всех форм ущемления прав и интересов женщин, особенно в сфере труда. Движение за равноправие женщин, против их дискриминации в обществе, как и любое иное общественное движение, проходило определённые этапы своего развития,

новка вопроса, разумеется, не означает, что физиологические особенности женщин не могут ограничивать (иногда - временно) их профессиональные обязанности.

При советском режиме дискриминация слабого пола сохранялась. Партийно-квотная система женского назначения практически освящала её если не силой закона, то всемогуществом административного приказа. Для женщин была закрыта служба в силовых структурах (за исключением ряда технических или вспомогательных специальностей). Им законодательно был закрыт доступ к тяжелым и вредным производствам, что полностью исключало свободу личного выбора. Уже в 60-х годах XX века в СССР специалисты обратили внимание на снижение рождаемости в стране, чрезмерную загруженность женщин в народном хозяйстве и в сфере быта и, как следствие этого, ухудшение здоровья самих женщин и новых поколений. К специфической женской проблеме стали относиться увеличение числа разводов и рост безнадзорности детей. Под влиянием, прежде всего экономических факторов, такие области, как медицина и образование, стали местом работы в основном женщин. Такое доминирование женщин оказалось характерным именно для СССР. В СССР в 70-х годах XX века в медицине женщин было 90%, а в США, где медики - традиционно высокооплачиваемая категория трудящихся - только 30%.

Аналогичная ситуация сложилась и в школах, в то время как в американских школах велика доля учителей-мужчин. Что касается постсоветского общества, то несмотря на все разговоры и заклинания о ее демократизации, проблема социальной дискриминации женщин приобрела особую, исключительную злободневность в связи с распадом социалистического общественного строя, сменой всего социально-экономического уклада и фактической ликвидации социальных гарантий для семьи, детей, женщин. Таким образом, для социологического анализа проблемная ситуация заключена в глубоком противоречии, которое сложилось между формальным курсом на демократизацию общества, на претворение в жизнь конституционного принципа равных прав и возможностей полов, - с одной стороны, и фактической дискриминацией женщин в сфере труда и занятости, ущемлением их социальных прав в экономической жизни, - с другой. Основопологающим нормативным актом в этой области является: Закон Республики Молдова об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин, № 5-XVI от 09.02.2006, который устанавливает общие фундаментальные основы социальной, юридической, экономической, политической, культурной, профессиональной и других сторон деятельности женщины. Статья 5 Закона гласит о запрете дискриминации по признаку пола. В Республике Молдова

женщины и мужчины имеют гарантированные им равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Действия, каким-либо образом ограничивающие или исключают равный подход к женщинам и мужчинам, являются дискриминационными и запрещаются. В статье 9, где говорится о равном доступе при найме на работу, государство гарантирует женщинам и мужчинам равные права и равные возможности, равный подход при трудоустройстве, а также работодатель осуществляет приём на работу с использованием методов, обеспечивающих равный доступ женщин и мужчин к труду, в том числе посредством временных специальных мер. К сожалению, многие красноречивые и столь остро необходимые нашему обществу, и в частности, женщинам юридические нормы, остались мёртвой буквой, не найдя своего применения в других подзаконных актах и в жизни. Руководствуясь определёнными документами и соглашениями и опираясь на анализ повседневной действительности, Правительство Республики Молдова 25 августа 2006 года приняло Постановление об утверждении Национального плана «Продвижение гендерного равенства в обществе на период 2006-2009 гг.», что придало особую актуальность исследованию социальной дискриминации женщин в сфере труда в условиях перехода страны к рыночной экономике. Однако известно, что права, закреплённые юридически-

ми нормами, нередко отличаются от реального их осуществления. Основное препятствие сохраняется, неравенство между мужчинами и женщинами по-прежнему существует. Только социальное равенство мужчин и женщин обеспечивает им равный доступ к экономическим и трудовым ресурсам, к формированию политики на всех её уровнях, к участию в общественной жизни, в принятии решений по экономическим, социальным, культурным и политическим вопросам. Социальная дискриминация женщин проявляется в сфере труда и занятости; распределения власти и собственности; культуры и образования; политической и духовной жизни общества. Приватизация государственного сектора экономики отрицательно сказалась на положении работающих женщин. И в условиях перехода к рынку именно государственные предприятия, учреждения остаются для них основными работодателями. Разрыв между зарплатами мужчин и женщин в государственном секторе меньше, чем в частном. В феминизированных отраслях (медицина, образование, лёгкая, пищевая промышленность) женщины имеют низкий профессиональный статус, ограниченные возможности для переподготовки и переквалификации, низкие зарплаты. Формы социальной дискриминации женщин в сфере труда имеют свои особенности. Одна из них состоит в том, что в частном секторе дискриминация женщин имеет выра-

женный авторитарный характер, ставит женщину в большую зависимость от работодателя-мужчины, чем на государственных предприятиях. Более того, уровень социальной и правовой защищённости женщин от дискриминации в частном секторе намного ниже, чем на предприятиях и учреждениях государственных или полугосударственных. В частной фирме нередко отсутствуют или бездействуют профсоюзы. Существует более жёсткая зависимость женщины от произвола начальника, безнаказанно нарушается трудовое законодательство. Можно сказать, что именно в частном секторе положение женщин во многом определяется сексуальным неравенством. В этой сфере часто действует культ силы и авторитета мужчины как духовной основы его власти. В основе любой концепции улучшения положения женщин должно лежать не наше представление о том, что плохо в нынешнем положении женщины и какие бы мы хотели видеть изменения, а понимание причин нынешнего неблагоприятного положения женщин и реальных возможностей, механизмов и рычагов устранения этих причин или смягчения их последствий. Поэтому мировое сообщество в лице правительств 190 государств, принимавших участие в IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, признавая, что неравенство между мужчинами и женщинами по-прежнему существует, а основные препятствия сохраня-

ются, подтвердило свою приверженность к обеспечению полного осуществления прав человека, женщин и девочек в качестве неотъемлемой, составной и неделимой части всеобщих прав человека и основных свобод [2] на уровне микроциума: анализа семьи. Он ограничивается изучением межличностных отношений в микрогруппе, психологии подавления достоинств и свободы женщины, исходя из разных сексуальных ролей двух полов. При этом в основу анализа относят как биологические различия между полами (биологический пол), [3] так и разные культурные представления о поведении мужчин и женщин. Иначе говоря, гендерная идентичность и гендерные идеалы: мужественность-женственность. И правовой, и философско-психологический подходы дают возможность изучить лишь отдельные аспекты дискриминации женщин как социального явления, как единого целого. Именно социологический подход позволяет познать это явление во всей его полноте и сложности различных социальных связей и взаимозависимостей. Ни одной социологической работы, посвященной непосредственно процессу или явлению социальной дискриминации женщин, в социологии нет. Но наука развивается не на пустом месте. Различные аспекты дискриминации женщин (в доперестроечный период вместо этого понятия обычно использовали его аналог - ущемление) изучались

главным образом экономистами, юристами, историками, философами и психологами. В связи с этим нельзя не отметить работы профессора Московского университета и преподавателя Высших женских курсов В. М. Хвостова «Женщина накануне новой эпохи» (1905), Н. К. Крупской «Женщина – работница» (1901), А. М. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса» (1909), А. Бабеля «Женщина и социализм» (1905). В советское время экономические аспекты нарушения прав женщин в сфере труда изучались интенсивно многообразно. Более двух третей всех изданных по женскому вопросу научных трудов посвящены именно производственной сфере деятельности женщин, сочетанию их семейных и профессиональных обязанностей. Анализ ущемления прав женщин в сфере труда и производства дан в работах С. В. Полениной. Философско-культурологический феномен женщины раскрыт в работах О. Ворониной. Если говорить о зарубежных школах изучения положения женщин, о так называемом гендерном направлении исследований, то для западных ученых тема равноправия полов представлена в двух векторах: правовом (как составная часть проблемы прав человека) и психологическом (с точки зрения отношения между полами). [4] Наиболее капитальным в этом плане является исследование Отто Вейнингера «Пол и характер», эмпирическую базу которого составляют результаты

конкретных социологических исследований, проведенных коллективом ГАЛСИ Международной ассоциации «Женщины и развитие» в 1991-1996 годах. Под влиянием внешних и внутренних условий, объективных и субъективных факторов процессу присуще устойчивое взаимодействие женского социума с различными социальными институтами и общностями с целью достижения равенства прав и возможностей, устранения дискриминации по признаку пола, равноправия полов, их гендерной симметрии в обществе и устранения главной угрозы - угрозы безопасности личности женщины реализации ее ролевых функций труженицы, матери, общественной деятельницы. Для решения этих задач необходимо создание национального механизма по преодолению неравноправия женщин. Формы социальной дискриминации женщин в зависимости от сфер их деятельности могут быть различными (например, немотивированное увольнение с работы или сексуальные притязания со стороны начальника). В любом случае в основе дискриминационных действий лежит насилие над личностью женщины в конкретной ситуации (как семейно-бытовой, так и общественной). Социологическое исследование социальной дискриминации женщин опирается на данные ряда частных социологических теорий: социологии личности, социологии семьи, социологии молодежи и, прежде всего, гендерной соци-

логии, гендерной идентичности. С позиций социологического подхода объектом социальной дискриминации являются женщины как особая социогендерная общность, обладающая конкретными демографическими характеристиками, многоролевыми функциями и определенным социальным статусом. [5] Пекинская конференция поставила задачу на уровне правительств всех стран мира предупредить и устранять любые формы насилия в отношении женщин и девочек и обеспечивать уважение международного права, включая гуманитарное право, в интересах защиты женщин и девочек в первую очередь. Субъектами социальной дискриминации женщин являются: а) мужчины (если анализ ведется на уровне семейно-бытовых отношений), обладающие конкретными демографическими характеристиками, своей социальной ролью и гендерной идентичностью, б) общество при исследовании социальных отношений, в) государство в лице его социальных институтов, регулирующих отношения полов, способствующее или, напротив, нарушающее принципы гендерного равновесия в составе властных институтов в вопросах распределения рабочей силы в различных сферах занятости. Действия субъектов социальной дискриминации женщин проявляются либо непосредственно в индивидуальных поведенческих актах, либо опосредованно - через принимаемые исполнительными и за-

конодательными властями постановления; либо в действиях, учитывающих сложившиеся в массовом сознании гендерные идеалы. В роли субъекта насилия фактически может выступить любой социальный институт, в деятельности которого целенаправленно нарушается принцип равноправия полов. Это неравенство американский социолог Н. Смелзер определяет как условия, при которых люди имеют неравный доступ к таким социальным благам как деньги, власть, престиж. Только социальное равенство мужчин и женщин обеспечивает им равный доступ к экономическим и трудовым ресурсам, к формированию политики на всех ее уровнях, к участию в общественной жизни, в принятии решений по экономическим, социальным, культурным и политическим вопросам. Социальная дискриминация женщин проявляется в сфере труда и занятости; распределения власти и собственности; культуры и образования; политической и духовной жизни общества. Она является одной из форм насилия над личностью. Приватизация государственного сектора экономики отрицательно сказалась на положении работающих женщин. И в условиях перехода к рынку именно государственные предприятия остаются для них основными работодателями. Условия занятости, оплаты женского труда здесь лучше (естественно, если предприятие работает). Разрыв между зарплатами мужчин и женщин в госу-

дарственном секторе меньше, чем в частном. Объяснение - гендерное разделение в сфере труда, которое проявляется в различных оценках труда мужчин и женщин. В феминизированных отраслях (медицина, образование, пищевая промышленность) женщины имеют низкий профессиональный статус, ограниченные возможности для переподготовки и переквалификации, низкие заработки. Кроме того, большинство женщин работают в дефицитных и кризисных отраслях материального производства, на должностях, не требующих высокой квалификации в бюджетной сфере. По официальным данным, примерно треть руководителей предприятий различных форм собственности признают, что предпочитают при приеме на работу мужчин, а не женщин. Очевидно, что необходимо трансформировать запретительный характер трудового законодательства в рекомендательный, дающий женщине право самостоятельно принимать решения: где, в каком режиме, на каких видах работ быть занятой. Все эти вопросы должна решать сама женщина. Законодательные ограничения полезно сохранить только в вопросах деторождения, кормления грудных детей и, возможно, наличия в семье детей-инвалидов. Формы социальной дискриминации женщин в сфере труда имеют свои особенности. Первая из них состоит в том, что в производственную сферу вовлечена не вся женская общность. Ста-

бильность - благоприятный фактор для рынка труда в условиях снижения спроса на женскую рабочую силу. Причем, уровень занятости женщин в трудоспособном возрасте составляет 75,5%. Их средний возраст - 39,4 года (мужчин - 39,7 лет). Пятая часть - это молодые женщины до 30 лет, а 10% - женщины пенсионного возраста. Вторая особенность социальной дискриминации женщин в производственной сфере состоит в том, что в частном секторе она имеет выраженный авторитарный характер, ставит работницу в большую зависимость от работодателя - мужчины, чем на государственных предприятиях. Более того, уровень социальной и правовой защищенности женщин от дискриминации в частном секторе намного ниже, чем на предприятиях государственных или полугосударственных. В частной фирме нередко отсутствуют или бездействуют профсоюзы. Можно сказать, что именно в частном секторе положение женщин во многом определяется сексуальным неравенством. В этой сфере часто действует культ силы и авторитета мужчины как духовной основы его власти. В основе любой концепции улучшения положения женщин должно лежать не наше представление о том, что плохо в нынешнем положении женщины и какие бы мы хотели видеть изменения, а понимание причин нынешнего неблагоприятного положения женщин и реальных возможностей, механизмов и рычагов устранения этих при-

чин или смягчения их последствий. [6] Следует отдавать себе отчет, что при нынешнем состоянии дел никакие меры государственного принуждения, в том числе и законодательные, не заставят экономических субъектов (работодателей) поступать вопреки собственным интересам (или тому, что они этими интересами считают). Чтобы работодатель брал на работу женщину, он должен быть уверен в том, что она будет на данном рабочем месте работать лучше, чем мужчина. Женщины исторически были привязаны к отраслям и секторам, сильнее всего зависевшим от государственного попечения; непропорционально большая доля женщин, в том числе с высшим образованием, традиционно была занята на рабочих местах с преобладанием неспециализированного и/или рутинного труда (служащие в разного рода конторах). Труд этот хотя и выполнялся людьми с высшим образованием (имел значение лишь сам факт диплома о высшем образовании, но никак не специальность), не требовал ни специального образования, ни специальной профессиональной подготовки и вёл в лучшем случае к профессиональному застою, а чаще к дисквалификации работника. В то же время именно те секторы экономики, которые наиболее ответственно и органично способны поглощать женскую рабочую силу (информационный, сектор услуг и т. п.), традиционно были неприоритетными на рынке труда.

Воплощение женского начала в социальной и, в частности, профессиональной сфере нашло отражение в понятии «гендер». Гендер - это сложный социокультурный конструкт: различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках между мужским и женским, творимые (создаваемые) обществом. В последнее время принято чётко разграничивать конституциональные и социокультурные аспекты в различении мужского и женского, связывая их с понятиями пола и гендера. Термин «пол» описывает биологические различия между людьми, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и детородными функциями. Термин «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми, а также с социальными, профессиональными требованиями.

Если говорить о зарубежных школах изучения положения женщин, о так называемом гендерном направлении исследований, то для западных учёных тема равноправия полов представлена в двух векторах: правовом (как составная часть проблемы прав человека) и психологическом (с точки зрения отношения между полами). Для всех из них базовым является различение понятий пол (sex) и гендер (gender). Ранее других

интерес к гендерным проблемам проявляли философы Платон, Аристотель, Г. Гегель, И. Кант, З. Фрейд, Ж.-П. Сартр. Затем решение этих проблем стали предлагать социологи, психологи, юристы, историки, философы, экономисты.

В истории женского движения вопрос о правах женщин и перспективах решения проблемы положения женщины в обществе исследовала Симона де Бовуар и др. Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол», признанной мировым сообществом лучшей книгой XX столетия по женской проблематике, подчеркнула, что «никакое расслоение общества по признаку пола невозможно».

Женщины традиционно пассивны, менее склонны к профессиональной мобильности, стремятся больше к социальному комфорту на рабочем месте, чем профессиональной самореализации и достижениям (из-за этого женщина придаёт очень большую роль неслужебным и неформальным отношениям в коллективе, почему руководители и считают женщин источником сложностей и напряженности в коллективе, скептически относятся к их профессиональным возможностям и не любят брать на работу).

У женщин значительно сильнее, чем у мужчин, формальное образование (по диплому) не соответствует реальной квалификации и профессии, а реальные специальности не соответствуют фактическим потребностям на рынке труда в обществе. Су-

ществуют сильные предубеждения насчет должного и возможного места женщин. На устранение или смягчение действия этих факторов и должны быть направлены меры государственной политики.

Сегодня шансы на успех может иметь только такая политика, которая, во-первых, будет сильно дифференцирована, то есть предусматривала для различных групп именно те виды помощи, которые максимально эффективны именно для данной группы, чтобы избегать неэффективных затрат ресурсов. А женщины, как показывают результаты исследований, очень разнятся между собой по потребностям в той или иной форме помощи и в возможностях воспользоваться разными видами помощи.

Далее, эта политика должна максимально ориентироваться на возможности косвенной помощи, гораздо менее дорогостоящей, чем прямая помощь и позволять: на те же деньги поддерживать гораздо больше женщин, к тому же в ходе помощи научить их стоять на собственных ногах. Наконец, эта политика должна максимально учитывать возможность того, что различные меры должны взаимно усиливать эффект друг друга и порождать по цепочке благоприятные побочные эффекты. В наших конкретных условиях это значит, что шансы на успех и на финансирование будут иметь прежде всего такие меры, которые будут не только помогать женщинам, но одновременно и

содействовать общему прогрессу экономики. Это прежде всего развитие жизненно необходимых для современной экономики секторов информационного обслуживания, деловых услуг, а через некоторое время, когда депрессия сменится экономическими оживлениями - сферы бытовых услуг, мелкого бизнеса и т. п.

Отрадно, что женщины стараются решать свои проблемы сообща, что им присуще чувство единения для защиты своих интересов и поэтому долг мужчин помочь в этом важном и необходимом деле, поскольку женские проблемы, по целому ряду вполне объективных причин, не могут быть разрешены одними женщинами. Радует возрастающая активизация женского бизнеса и предпринимательства, продвижение женщин по службе в коммерческих фирмах, органах государственного управления и силовых структурах, что необходимо оказать всестороннюю поддержку, создав необходимые предпосылки для их продвижения по служебной лестнице.

Правовая база женского вопроса в Республике устарела, не отвечает современным условиям и требует коренных изменений. Остается пожелать, чтобы законы, обеспечивающие преодоление социальной дискриминации женщин в Молдове, равные права и равные возможности полов, не залеживались в письменных столах депутатов. «Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все они

одинаково были подчинены законам». Справедливость этих слов Жана д'Аламбера - великого французского просветителя жизнь доказывает каждодневно.

Рецензент:
Андрей ГУШТЮК,
доктор права

Литература:

1. Силласте Г., Кожамжарова Г. Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа. // Социс. 1997. № 31.
2. Пекинская декларация ООН, Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, (Пекин, 4-15 сентября 1995 года).
3. Моултон Дж. «Парадигма философии: метод соперничества», 1997
4. Келлер Э. «Феминизм и наука», М., 2005.
5. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория. М., 1997.
6. Бабаева Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики Социс. 1997. № 28.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Л. БАРСУКОВА,

ст. преподаватель кафедры государства и права филиала ГОУ ВПО ДВГТУ
(ДВПИ им. В.В. Куйбышева) в г. Петропавловске-Камчатском, Камчатский край, Россия,
аспирант Московской Государственной Юридической Академии имени О.Е. Кутафина

SUMMARY

The author results examples from judiciary practice of Arbitration court of the Kamchatka Krai of the Russian Federation on the affairs connected to modification in constituent documents of the legal person.

Автор приводит примеры из судебной практики Арбитражного суда Камчатского края Российской Федерации по делам, связанным с внесением изменений в учредительные документы юридического лица.

При внесении изменений в учредительные документы юридического лица налоговая инспекция в срок не более пяти дней с момента получения документов вносит соответствующую запись в единый государственный реестр юридических лиц. Такой порядок установлен п. 1 ст. 8 Закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ. После всех действий, связанных с регистрацией изменений, общество с ограниченной ответственностью получает свидетельство о внесении записи в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) (п. 5 Постановления Правительства РФ от 19 июня 2002г. № 439 «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, используемых при государственной регистрации юридических лиц, а также физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей».

Сложилась определенная практика по вопросам признания недействительными решений ИФНС о регистрации изменений в сведениях о юридическом лице, связанных с изменениями в учредительных документах, о недействительности записи о государственной регистрации. Приведенная ниже судебная практика датируется 2008 годом, поэтому решение суда регламентируется нормативными правовыми актами, действующими на тот момент.

Истец, ИП Г.Д.Б., обратил-

ся в Арбитражный суд Камчатской области с иском к ответчикам, ООО «Росморфлот», ООО «Камчатморфлот», в котором на основании ст.ст. 167, 168, 346 ГК РФ, ст. 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. просит суд: 1. признать недействительными решение единственного учредителя ООО «Флот-1» от 05.12.2007 года и Учредительный договор ООО «Флот-1» от 05.12.2007 года; 2. признать недействительными протокол собрания учредителей ООО

«Флот-1» от 18.02.2008 года и Учредительный договор от 18.02.2008 года; 3. признать недействительным решение ИФНС по г. Петропавловску-Камчатскому от 19.12.2007 года и от 29.02.2008 года о регистрации изменений в сведениях о юридическом лице, связанных с внесением изменений в учредительные документы; 4. обязать ИФНС России по г. Петропавловску-Камчатскому внести в Единый государственный реестр юридических лиц запись о недействительности записи о государственной регистрации изменений от 19.12.2007 года и от 29.02.2008 года и аннулировать соответствующие свидетельства.

В судебном заседании 25 сентября 2008 года суд принял уточнение истцом предмета иска - 3-е и 4-е требования заявлены в отношении ООО «Флот-1», привлек к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных тре-

бований относительно предмета спора, Компанию Goldenroad Shipping S.A.

В судебном заседании представитель истца поддержал иски требования полностью по основаниям, изложенным в иске и дополнениях к иску. Пояснил, что под ничтожной сделкой, о применении последствий которой просит истец, понимает принятие в состав ООО «Флот-1» ЗАО «Камчатморфлот» и заключенный между ЗАО «Камчатморфлот» и ООО «Росморфлот» учредительный договор. Заявил, что истец не будет уточнять ответчиков по делу, не будет изменять основание или предмет иска. Просил рассмотреть дело по представленным материалам, иск - удовлетворить.

Представитель ответчика ООО «Росморфлот» иск не признал. Считает, что истец не имеет права на иск, так как не является участником ООО «Флот-1», истец оспаривает документы ООО «Флот-1», к которым не имеет никакого отношения. По заявленным требованиям ответчики не надлежащие. В удовлетворении иска просил отказать.

Представитель ответчика ИФНС по г. Петропавловску-Камчатскому считает для удовлетворения требований о признании записей в ЕГРЮЛ недействительными и обязании ИФНС исключить записи из

ЕГРЮЛ не имеется. Пояснил, что 19.12.2007 года ИФНС принято решение о государственной регистрации о внесении сведений в ЕГРЮЛ, связанных с внесением изменений в учредительные документы ООО «Флот-1» в отношении участника ЗАО «Камчатморфлот», на его основании в ЕГРЮЛ внесены записи. 29 февраля 2008 года принято решение о государственной регистрации о внесении сведений в ЕГРЮЛ, связанных с внесением изменений в учредительные документы ООО «Флот-1» в отношении участника Компания Goldenroad Shipping S.A., на его основании в ЕГРЮЛ внесены записи.

Заслушав объяснения представителей лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, исследовав материалы дела и оценив представленные в него доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу, что требования истца не подлежат удовлетворению по следующим основаниям.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 23.10.2006 года по делу № А40-33829/06-97-165 по иску ИП Г.Д.Б. к ООО «Росморфлот» было принято решение о взыскании с ООО «Росморфлот» в пользу ИП Гурова Д.Б. 4050000 рублей долга, 203720,55 рублей процентов и 1000000 рублей неустойки и обращении взыскания на заложен-

ное имущество ООО «Росморфлот» 100 % в уставном капитале ООО «Флот-1» путем продажи с открытых торгов с установлением начальной продажной цены 4050000 рублей. Названное решение суда принято на основании соглашения о предоставлении займа от 08.06.2005 года между ООО «Росморфлот» (заемщик) и ИП Г.Д.Б. (займодавцем), договора о залоге имущества от 08.06.2005 года.

Согласно договору о залоге имущества залогодатель передает займодавцу в обеспечение по соглашению о предоставлении займа 100% доли в уставном капитале ООО «Флот-1» номинальной стоимостью 1000000 рублей.

Пунктом 2.1. договора предусмотрено, что залогодатель имеет право пользоваться имуществом, но не имеет право совершать какие-либо сделки с имуществом без предварительного согласия Займодавца до истечения срока договора.

Согласно п. 6.1. договора о залоге имущество находится в залоге до полного погашения задолженности, обеспеченной залогом.

Из постановления о приостановлении исполнительного производства от 25.10.2007 года, письма судебного пристава-исполнителя УФССП по Камчатскому краю от 30.10.2007 года следует, что исполнитель-

ное производство приостановлено, в связи с введением наблюдения в отношении ООО «Росморфлот».

Определением Арбитражного суда Камчатской области от 25.10.07 г. по делу №А24-5404/2007 в отношении ООО «Росморфлот» введена процедура наблюдения.

Участниками процесса не оспаривается, что по состоянию на 05 декабря 2007 года ООО «Росморфлот» являлось участником ООО «Флот-1» со 100% долей в уставном капитале. Размер уставного капитала ООО «Флот-1» составлял 1000000 рублей. Данное обстоятельство также подтверждается регистрационным делом налогового органа в отношении ООО «Флот-1».

05.12.2007 г. ООО «Росморфлот», являясь единственным участником ООО «Флот-1», принимает решение о принятии в состав участников ООО «Флот-1» Закрытого акционерного общества «Камчатморфлот» с размером вноса в уставный капитал 250000 руб., об увеличении уставного капитала общества до 1250000 руб., утверждении устава в новой редакции и подписании учредительного договора.

05.12.2007 г. ООО «Росморфлот» и ЗАО «Камчатморфлот» подписали учредительный договор ООО «Флот-1», согласно

которому доля ООО «Росморфлот» составляет 1000000 рублей, доля ЗАО «Камчатморфлот» 250000 рублей. Платежным поручением № 13 от 06.12.2007 г. ЗАО «Камчатморфлот» перечислило ООО «Флот-1» взнос в уставный капитал в размере 250000 руб.

19.12.2007 г. ИФНС по г. Петропавловску-Камчатскому принято решение о государственной регистрации внесения изменений в сведения о юридическом лице, связанных с внесением изменений в учредительные документы ООО «Флот-1».

В ЕГРЮЛ 19.12.2007 г. внесена запись, которая содержит сведения об уставном капитале 1250000 рублей, об изменениях учредительных документов. Запись в ЕГРЮЛ внесена на основании, в том числе: заявления ООО «Флот-1», учредительного договора в новой редакции, устава в новой редакции, решения о внесении изменений в учредительные документы, платежного, других документов.

19.12.2007 г. ИФНС по г. Петропавловску-Камчатскому принято решение о государственной регистрации внесения изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЮГРЮЛ, не связанных с внесением изменений в учредительные документы ООО «Флот-1».

В ЕГРЮЛ 19.12.2007 г. внесена запись, которая содержит

сведения об участнике ООО «Флот-1» - ЗАО «Камчатморфлот» с размером доли 250000 рублей. Запись в ЕГРЮЛ внесена на основании заявления ООО «Флот-1».

Общим собранием участников ООО «Флот-1» от 18.02.08 г. принято решение об увеличении уставного капитала общества до 2500000 руб. за счет увеличения вклада ЗАО «Камчатморфлот» до 750000 рублей и принятии в состав участников общества Компании Goldenroad Shipping S.A с вкладом в размере 750000 руб., утвержден устав в новой редакции.

18.02.2008 г. был заключен учредительный договор ООО «Флот-1» между ООО «Росморфлот», ЗАО «Камчатморфлот», Компанией Goldenroad Shipping S.A, согласно которому доля в уставном капитале «Росморфлот» составляет 40 % на сумму 1000000 рублей, ЗАО «Камчатморфлот» - 30 % на сумму 750000 рублей, Компании Goldenroad Shipping S.A 30 % на сумму 750000 рублей.

Платежным поручением ЗАО «Камчатморфлот» оплатило ООО «Флот-1» взнос в уставный капитал в размере 500000 рублей.

Компания Goldenroad Shipping S.A в качестве оплаты доли передала долю в уставном капитале ООО «Флот-5» номинальной стоимостью 750000

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный Закон внес существенные изменения в положения Гражданского Кодекса Российской Федерации об обществах с ограниченной ответственностью и в Федеральный Закон от 18 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Перечислим некоторые изменения.

Основным нововведением данного Закона является исключение учредительного договора из состава учредительных документов. До этого общества с ограниченной ответственностью действовали на основании двух учредительных документов – устава и учредительного договора. Согласно ст. 89 Гражданского Кодекса Российской Федерации единственным учредительным документом общества является устав. Однако исключение из числа учредительных документов учредительного договора не означает, что при учреждении общества его учредители не должны подписывать договор об учреждении (п. 1 ст. 89 ГК РФ). В соответствии с п. 5 ст. 11 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, в договоре об учреждении должны содержаться сведения о порядке осуществления учредителями совместной деятельности по учреждению общества,

размер уставного капитала, размер и номинальная стоимость доли каждого из учредителей, размер, порядок и сроки оплаты таких долей. Договор об учреждении общества заключается в письменной форме и представляет собой договор о совместной деятельности, направленный на создание общества и прекращает свое действие в связи с созданием общества.

Заметим, что учредительные договоры обществ с ограниченной ответственностью утрачивают юридическую силу учредительных документов с 1 июля 2009 года; уставы и учредительные договоры, созданные до 1 июля 2009 года подлежат приведению в соответствие с изменениями, при первом внесении изменений; со дня вступления Закона в юридическую силу уставы и учредительные договоры обществ, созданных до 1 июля 2009 года, до приведения их в соответствие с изменениями, внесенными Законом № 312-ФЗ, применяются в части, не противоречащей законодательным актам Российской Федерации; до 1 января 2010 года внесение в уставы обществ, созданных до 1 июля 2009 года, изменений, предусматривающих право участника общества выйти из него, осуществляется по решению общего собрания участников общества, принятому тремя четвертями голосов от

общего числа голосов участников.

С 1 июля 2009 года учредители общества в соответствии с п. 3 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью вправе заключить договор об осуществлении прав участников общества. Этот договор устанавливает обязанности сторон осуществлять определенным образом свои права и (или) воздерживаться от их осуществления. Пункт 3 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью содержит перечень вопросов, регулируемых данным договором. Например, определение порядка голосования на общем собрании участников общества; согласование вариантов голосования с другими участниками; согласование условий продажи долей, и установление продажной цены доли между участниками общества. Заметим, что перечень, установленный п. 3 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью не является исчерпывающим, это позволит участникам общества урегулировать порядок осуществления ими и других действий.

Небольшие изменения внесены в положения о содержании устава общества с ограниченной ответственностью. Теперь в уставе могут не указываться сведения о размере и номинальной стоимости доли каждого участ-

ника общества. Ранее при изменении размера долей участников общества, общество с ограниченной ответственностью было обязано вносить данные изменения в устав и учредительный договор, а соответственно, в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), теперь же этого не потребуется, если устав общества не содержит соответствующих сведений. В соответствии с изменениями, внесенными Законом № 312-ФЗ, устав общества с ограниченной ответственностью, помимо сведений, указанных в п. 2 ст. 52 ГК РФ, должен содержать информацию о размере уставного капитала общества, составе и компетенции органов управления, порядке принятия ими решений (в том числе по вопросам, принимаемым единогласно или квалифицированным большинством голосов) и иные предусмотренные законом об обществах с ограниченной ответственностью сведения.

Литература:

1. Решение Арбитражного Суда Камчатского Края № А24-1901/2008

RĂSPUNDEREA ADMINISTRATIV-DISCIPLINARA A MAGISTRAȚILOR

Vasile BOTOMEI,
doctorand, la Universitatea de Stat din Moldova

SUMMARY

The patrimonial administrative responsibility for the magistrates isn't fully elucidated in the theory of administrative responsibility on behalf of the authors from the Republic of Moldova and Romania. It is proposed thereby the realization of some definitions from which results what the terms of miscarriage of justice, bad faith, gross negligence in the work of the magistrates consist off.

These concepts are expressed theoretical as a new element within the scientific paper approached in a comparative plan: "The administrative responsibility: practical and scientific aspects in a comparative plan the Republic of Moldova and Romania"

Noțiunea de răspundere administrativă a magistraților din România este pur formală, deoarece în realitate, aceștia nu sînt supuși unui control administrativ eficient din partea instituțiilor cu atribuții de control pe linia puterii judecătorești.

La Consiliul Superior al Magistraturii din România, plîngerile formulate de către petiționarii din procese împotriva magistraților din complet, nu îmbracă forma unui control care să declanșeze o cercetare administrativă eficientă în condițiile de respectare a principiilor de contradictorialitate cu părțile litigante, al principiului oralității, publicității, al principiului aflării adevărului și al garantării dreptului la apărare. Totodată, practica din instanțele judecătorești din România, este de a trata cu superficialitate judecarea cauzelor de recuzare înregistrate împotriva membrilor din complet. În domeniul răspunderii administrativ-disciplinară a magistraților, România înregistrează lacune în raport cu progresul realizat recent în această materie din Republica Moldova.

Noțiunea de răspundere administrativă în Republica Moldova, a căpătat un progres spectaculos prin modificările legislative aduse la Legea 544/20.07.1995⁴, întrate în vigoare din 08.07.2010.

Dacă pe parcursul cercetărilor din perioada 2005-2009, au fost constatate lacune legislative în materia răspunderii administrative a judecătorilor, situația intervenită prin modificări legislative din 08.07.2010, au adus modificări

substantiale în cuprinsul tezei prin aceea că toate deficiențele constatate pe parcursul anilor de cercetare, au fost transformate în bine și ridicate la nivel de model pentru a fi preluate de puterea legiuitoare din România prin modificarea Legii 303/2004⁵, privind statutul judecătorilor și procurorilor.

Este de remarcat faptul că în Republica Moldova există o distincție clară între statutul de procuror și statutul de judecător. Pro-

curorul nu este considerat magistrat în Republica Moldova.

Din acest motiv ligiuitorul din Republica Moldova a inclus ca metodă de sancțiune disciplinară pentru procuror, răspunderea contravențională, reglementată prin art.61 din Legea 294/XVI⁶ din 25.12.2008. Această lege creează egalitatea de arme în proces, prin aducerea la un echivalent a puterii de acuzare exercitată prin procuror cu a puterii de apărare exercitată prin avocat. Legea 544/20.07.1995⁴, intrată în vigoare din 08.07.2010 a reușit performanța de a reforma integral sistem judiciar din Republica Moldova, prin reglementările prevăzute din art. 22 (1), lit f, f¹, h¹, h², k, l, n, p, art. 22, art. 26 din Lege.

Propun în cadrul prezenței lucrări, următoarele concepte de îmbunătățire a răspunderii administrative pentru procurori și judecători, atât din Republica Moldova cât și din România, astfel:

a) În materia cererilor de recuzare împotriva procurorilor și judecătorilor

Cererile de recuzare formulate împotriva procurorilor și judecătorilor, atât din statul român, cât și din Republica Moldova, să se constituie într-un proces cu respectarea tuturor normelor de procedură prevăzute de Codurile de procedură din fiecare stat. Termenele de soluționare ale acestora să fie echivalente cu termenele de soluționare a cererilor de judecată pe procedura ordonanței prezidențiale. În aceste condiții, petiționarii se vor putea apăra prin probe cu înscrisuri, probe cu martori, proba cu interogatoriu pentru judecătorii din completul de judecată în

fața instanței de recuzare. Numai așa se asigură egalitatea de arme în procesul de recuzare, ca mijloc de îndepărtare dintr-un proces a magistraților care nu judecă cu imparțialitate sau care judecă cu interes în cauză.

Această concepție se subscie în principiul de drept constituțional consacrat atât în Constituția României, cât și în Constituția Republicii Moldova, potrivit căruia cetățenii sînt egali în fața legii și a autorităților publice, fără privilegii și fără discriminări, nimeni nefiind mai presus de lege.

b) În materia plîngerilor administrative formulate împotriva procurorilor și judecătorilor:

Pentru ca în egală măsură, atât petiționarii cât și magistrații, să se bucure de egalitatea în drepturi în fața legii și în fața autorităților publice, fără privilegii și fără discriminări, indiferent dacă părății sînt magistrați, iar petiționarii sînt simpli subiecți de drept, care nu fac parte din sistemul juridic, susținem ca plîngerile administrative formulate de petiționari împotriva magistraților, să se constituie într-un proces care sa se judece după regulile de judecată din dreptul comun. Acest concept se subscie în normele constituționale prevăzute atât în Constituția Statului Român, cât și în Constituția Republicii Moldova, fiind necesar un dublu grad de jurisdicție în soluționarea plîngerilor formulate de către petiționari.

În România, avem exemple în care se constată, pe baza cercetării administrative efectuată de către inspecția juridică din cadrul CSM, că judecătorul din dosar se face vinovat de neglijență, se emite răs-

puns petentului în acest sens, însă se motivează că nu s-a aplicat nici o măsură administrativă față de judecător, ceea ce nu permite exercitarea de către petiționar a vreunei căi de atac, împotriva unei hotărâri judecătorești care este probată prin rezultatul trimis de inspecția judiciară, că a fost pronunțată prin nerespectarea normelor de procedură de către judecător, asemenea ca și prin motive de neglijență în serviciu în desfășurarea activității judecătorești.

În plan comparat, situația de fapt și de drept din Republica Moldova, se identifică cu situația de fapt și de drept din România. În Republica Moldova, cursul unei cercetări administrative începe pe baza sesizării înregistrată la CSM, după care inspecția judiciară din cadrul CSM, pe baza rezultatului constatat clasează cauza sau încheie un referat de propunere de aplicare a sancțiunii administrative, prin care sesizează Colegiul disciplinar din cadrul CSM. Nu se menționează în Legea 947-XIII/1996¹, modificată și completată inclusiv pînă la data de intrare în vigoare a Legii 247-XVI⁷ din 21.07.2006, în vigoare din 10.11.2006, termenul de soluționare al sesizării, de la data înregistrării cauzei, însă se menționează expres în art.21, pct.2, termenul de o lună de zile pentru validarea de către CSM a propunerilor efectuate de Colegiul Disciplinar.¹

c) În materia procedurii de deschidere a ședințelor de judecată

În vederea eficientizării răspunderii administrative a magistraților, propun ca deschiderea fiecărei ședințe de judecată, să se facă prin

depunerea jurământului de către magistrați, cu enunțarea în ședință publică a numelui său, așa cum se procedea cu martorii care sînt audiați de instanță, sub jurământ. După depunerea jurământului, președintele de complet le va aduce la cunostință justițiabililor că au dreptul de a se adresa cu petiții la CSM, în condițiile în care se consideră vătămăți prin nerespectarea drepturilor procedurale din timpul procesului.

d) În materie de control a actelor administrative efectuate de către procurori în etapa de cercetare penală.

Constatări în drept comparat:

În România, activitatea procurorilor, în procedura penală nu prevede exercitarea controlului judecătoresc a ordonanțelor de începere a urmăririi penale, dispuse de procuror mai înainte de punerea în mișcare a urmăririi penale și de întocmire a rechizitoriului de trimitere în judecată. Apreciem că actele și măsurile dispuse de către procuror în cadrul cercetărilor penale, se subscriu în categoria actelor administrative, pentru care este necesar exercitarea unui control judecătoresc. Avînd în vedere că între etapa de începere a urmăririi penale, în care se declanșează efectiv procesul penal, și etapa de punere în mișcare a acțiunii penale, nu sînt reglementate termene pe care procurorul să fie determinat să le respecte, precum și împrejurarea că legea de organizare și funcționare judecătorească nu prevede sancțiuni administrative împotriva procurorilor a căror ordonanțe de începere a urmăririi penale și a căror rechizitorii

au fost infirmate, apreciem că în scopul eficientizării răspunderii administrative a procurorilor, sînt oportune noi reglementări.

Recomandări:

- Ordonanța de începere a urmăririi penale dispusă de procuror, să fie supusă controlului judecătoresc, prin completarea textului de lege reglementat în România, de art.278¹, pct.(1), C.p.p., după cum urmează: “împotriva rezoluției de neîncepere a urmăririi penale sau a ordonanței ori, după caz, a rezoluției de clasare, de scoatere de sub urmărire penală sau de încetare a urmăririi penale sau împotriva ordonanței de începere a urmăririi penale date de procuror, persoana vătămată, precum și orice alte persoane ale căror interese legitime sînt vătămăte, pot face plîngere în termen de 20 de zile de la data comunicării de către procuror a modului de rezolvare, potrivit art.277 și 278, la judecătorul de la instanța căreia i-ar reveni, potrivit legii, competența să judece cauza în prima instanță.”

În această situație, instanțele penale judecătorești nu vor mai fi încărcate cu dosare penale, care cuprind erori judiciare, precum fapte de abuz generate de influențe politice sau ierarhic superioare din cadrul sistemului judiciar. Pe această cale se va realiza o prevenire a abuzurilor comise de magistrații procurori care, în România se bucură de inamovibilitate și de protecție stabilită de lege împotriva atragerii răspunderii administrative a acestora, pentru cauzele în care statul este obligat la despăgubiri cu titlul de daune materiale și daune morale pentru cetățenii

care au obținut câștig de cauză la instanțele internaționale.

Astfel se vor elimina cauzele penale în care instanțele din România sînt încărcate cu procese interminabile, încheiate cu achitări și despăgubiri civile pentru cetățenii care sînt persecutați la discreția procurorilor, de multe ori victime ale unor sisteme politice tranzitorii. Măsura trebuie văzută ca un echivalent la măsura prin care parchetele dispun rezoluționarea dosarelor cu neînceperea urmăririi penale. Așa cum măsura de neîncepere a urmăririi penale este prevăzută cu plîngere la procurorul ierarhic superior și ulterior în fața unei instanțe judecătorești prin două grade de jurisdicție, fond și recurs, la fel apreciez că procedural este justificată procedura de verificare a măsurii de trimitere în judecată prin instanțe judecătorești, mai înainte de a se pune sub inculpare persoana cercetată. Prezumția de nevinovăție trebuie văzută doar pînă la data la care se soluționează prin hotărîre definitivă, actul de inculpare. Dacă instanța judecătorească competentă respinge plîngerea formulată de către petiționar împotriva măsurii de începere a urmăririi penale, atunci se justifică procesul penal în fața instanțelor judecătorești, urmare căreia judecata finală nu va mai putea fi soluționată prin achitare, mijloc prin care pe timpul cercetării judecătorești, se vor putea justifica măsuri complementare în procesul penal.

Avînd în vedere că răspunderea penală este o consecință a răspunderii administrative în condițiile dovedirii elementelor constitutive ale infracțiunii, apreciez oportun

inițierea procedurilor legale de adoptare a acestor recomandări

În Republica Moldova: Codul actual de procedură penală, prevede exercitarea controlului judecătoresc împotriva actelor și măsurilor dispuse de procuror în dosarele de cercetare penală, fiind de apreciat că în acest stat, cu o vechime destul de tânără în democrație, s-a înființat prin lege instituția judecătorului de instrucție reglementată prin art. 6 punctul 1 din Legea 514 – 13⁸ din 06.07.1995, republicată.

Prin natura serviciului, activitatea procurorului este deseori apreciată ca fiind un serviciu care se efectuează pentru protejarea funcționarilor din puterea administrativă care încalca legea la cerința organelor de conducere politice și mai puțin de atragere a răspunderii funcționarilor publici, precum și împotriva organelor alese, decât rareori când apar disfuncțiuni între factorul politic din guvernare.

Pe această cale se va asigura o eficientizare reală a procesului de răspundere administrativă, care înainte de a fi reformat în domeniul administrației, trebuie să fie reformat în domeniul sistemului de drept, prin norme de verificare a activităților efectuate de către funcționarii publici în exercitarea controlului administrativ.

e) În materia îmbunătățirii legislației în vigoare pentru eficientizarea răspunderii administrative a procurorilor și judecătorilor:

În Republica Moldova: Legea 947-XIII/1996¹, modificată și completată prin Legea 247-XVI⁷ din 21.07.2006 a CSM, are o serie de lacune privind răspunderea

administrativă a magistraților.

Constatări:

1) Din Legea 947-XIII/1996¹, modificată și completată, a CSM din Republica Moldova, lipsesc: -un termen expres de înaintare a plîngerii formulată de către petiționar, în fața colegiului de disciplină, ceea ce determină o tergiversare, care împiedică accesul la justiție; -un termen în care colegiul de disciplină trebuie să soluționeze plîngerea formulată de către petiționar, termen calculat de la data de înregistrare a plîngerii; -ce se întâmplă cu plîngerile formulate împotriva magistraților, înregistrate la sediile instanțelor judecătorești, nu se prevede obligativitatea comunicării acestora către CSM și termenul maxim de înaintare.

În lipsa acestor termene, pe care o lege eficientă trebuie să le prevadă, se remarcă o ineficiență a CSM, ca organ de tragere la răspundere administrativă a magistraților, sub aspectul tergiversării soluționării plîngerilor, pînă cînd ajung spre competența soluționării la Comisia de Disciplină, ceea ce atrage o lipsă de încredere din partea cetățeanului în eficiența răspunderii administrative pe care ar trebui să o aplice CSM.

2) Referitor la Legea cu privire la Procuratură nr. 294-XVI⁶ din 25.12.2008, publicată în M.O. nr. 55-56/155 din 17.03.2009 din Republica Moldova, constatăm următoarele:

Legea cuprinde un ansamblu complet de norme în materie de răspundere administrativă, disciplinară și patrimonială a procurorilor, tratate în capitolul IX intitulat: “Măsurile de încurajare. Răspunderea disciplinară și patri-

monială a procurorilor”

Sînt cercetate din capitolul X, următoarele texte de lege:

- **Articolul 60. Răspunderea disciplinară** “(1) Procurorii pot fi trași la răspundere disciplinară pentru abateri de la îndatoririle de serviciu, precum și pentru comportament care prejudiciază interesele de serviciu și discreditează imaginea Procuraturii. (2) Abaterile disciplinare pentru care procurorii sînt trași la răspundere disciplinară sînt stabilite de lege în mod exhaustiv. (3) Procurorii din procuraturile militare și din subdiviziunea Procuraturii Generale investită cu atribuții în Forțele Armate sînt trași la răspundere disciplinară în condițiile prezentei legi.”

Constatăm că verbul “a putea” (pot), din articolul 60 (1) duce în derizoriu răspunderea disciplinară pentru abaterile de la îndatoririle de serviciu ale procurorilor deoarece devine *q"qr kwpg*.

- **Articolul 61. Abaterile disciplinare, litera d)** “încalcarea intenționată, în exercițiul funcției, a legii, dacă aceasta nu atrage răspundere penală, civilă sau contravențională;”

Constatăm că textul de lege prevede răspunderea contravențională pentru procurori, ca element de noutate în drept comparat cu România. Astfel se identifică conceptul de răspundere administrativ contravențională pentru procurori. Lipsește totuși din lege cine anume constată și stabilește contravenția, termenul de prescripție precum și căile de atac împotriva contravenției.

- **Articolul 63. Răspunderea patrimonială.** (1) “Statul răspun-

de patrimonial pentru prejudiciile cauzate prin erorile comise de procurori în exercițiul funcției.”

Constatăm că textul de lege prevede că statul răspunde patrimonial pentru prejudiciile cauzate prin erorile comise de procurori în exercițiul funcției. Lipsește însă o buna definiție a termenului de eroare, care se impune a fi clarificată.

(3) “Răspunderea statului nu înlătură răspunderea procurorului care și-a exercitat cu rea-credință atribuțiile.”

Constăm ca legiuitorul a omis să definească limitele în care se incadrează termenul de “rea-credință”.

3) Referitor la Legea cu privire la Statutul Judecătorilor nr. 544-XIII⁴ din 20.07.95, cu modificările aduse pînă la 08.07.2010, constatăm integrarea acesteia într-un sistem complet de norme care asigură eficientizarea răspunderii administrative a judecătorilor. Se identifică pentru judecători două componente din răspunderea administrativă, astfel:

-Răspunderea administrativ-disciplinară, reglementată expres prin art. 22 (1) din Lege, introdus cu ocazia modificărilor aduse din 08.07.2010.

-Răspunderea administrativ-patrimonială reglementate expres prin articolul 22 (2) din Lege, introdus cu ocazia modificărilor aduse din 08.07.2010.

Observăm introducerea conceptului de demisie a judecătorului, reglementat prin art. 26 din Lege, în forma completată la 03.09.2010. Prin acest concept s-a realizat o îmbunătățire a sistemului legislativ care respecta

principiul corespondenței dintre normele prevăzute în abaterea disciplinară și normele de protecție socială, profesională și a membrilor familiei pentru judecători.

Recomandări:

A. Pentru Republica Moldova în ceea ce privește Legea 947-XIII/1996¹, modificată și completată, a CSM:

1) Introducerea unui termen expres pentru instanțele judecătorești și parchete, de înaintare către colegiul de disciplină, a plîngerii formulate împotriva magistratului de către petiționar. Sub acest aspect, propun termenul de 5 zile, după modelul Legii 317/2004² a CSM din România.

Apreciez că se poate prelua în mod identic, art.45, pct.5, din Legea CSM din România, care prevede următoarele: „Orice sesizare privind activitatea necorespunzătoare a judecătorilor și procurorilor, greșit îndreptată la instanțe sau parchete, va fi înaintată comisiilor de disciplină în termen de 5 zile de la înregistrare.”

2) Introducerea unui termen în care colegiul de disciplină trebuie să soluționeze plîngerea formulată de către petiționar, termen calculat de la data de înregistrare a plîngerii. Sub acest aspect, propun că termenul să fie de 60 de zile de la data înregistrării sesizării la CSM, termen preluat după modelul Legii 317/2004² a CSM din România. În cazuri excepționale, acest termen poate fi prelungit cu maxim 30 de zile, în condițiile în care în cauză sînt necesare a se face în cadrul procedurii de citare prealabilă, de către inspecția judiciară, verificări suplimentare cu privire la alte dosare, aflate în legătură cu subiectul

de drept reclamat.

Apreciez că art.46, pct.4 și 5 din Legea 317/2004² a CSM din România, pot fi preluate și introduse în Legea CSM din Republica Moldova, care prevede următoarele:

„(4) Rezultatul cercetării prealabile se înaintează comisiei de disciplină în termen de 60 de zile de la înregistrarea sesizării la Consiliul Superior al Magistraturii, iar în următoarele 20 de zile comisia de disciplină sesizează secția corespunzătoare în vederea soluționării acțiunii disciplinare.

(5) În cazul în care, înainte de sesizarea secției, comisia de disciplină constată că sînt necesare verificări suplimentare, desemnează un inspector din cadrul serviciului corespunzător al Inspecției judiciare, în vederea completării cercetării prealabile. Rezultatul verificărilor suplimentare este înaintat în cel mult 30 de zile comisiei de disciplină. În acest caz, termenul de 20 de zile prevăzut la alin. (4) curge de la primirea rezultatului verificărilor suplimentare.”

3) Propun ca hotărârea de excludere a magistratului din magistratură, rămasă definitivă prin hotărârea plenului CSJ, din cadrul Republicii Moldova, să fie validată de către Parlamentul Republicii Moldova, de vreme ce Legea CSM a Republicii Moldova, prevede comunicarea acesteia atît către Parlament, cît și către Președintele Republicii Moldova. În aceste condiții, se creează un mijloc de verificare pe calea unei audiențe în Parlament, a magistratului exclus din magistratură, în condițiile în care acesta reclamă nerespectarea normelor de procedură, în soluțio-

narea cauzei de către CSM și CSJ. Această propunere se subscrie în drepturile și libertățile pe care trebuie să le aibă un magistrat, în scopul apărării drepturilor, libertăților și intereselor sale legitime, avînd în vedere că funcția pe care o exercită se subscrie în categoria puterii judecătorești din stat, iar excluderea unui magistrat din magistratură trebuie analizată ca un eveniment major la nivel de stat, de vreme ce hotărîrile pronunțate de magistrat au putere de lege. A se vedea Anexa 13.

4) Modificarea art.21, (3), în sensul de a se stabili obligativitatea CSM de a invita la ședință pe următorii:

a) Reprezentantul Colegiului Disciplinar, care în funcție de poziția pe care a adoptat-o colegiul, trebuie să joace rolul de susținător a soluției pronunțată de colegiul disciplinar, după modelul și rolul pe care îl are procurorul în cadrul procesului penal, atunci cînd rezoluțiile dispuse de către parchet sînt contestate prin plîngerii împotriva soluțiilor în fața instanțelor de judecată, asemenea ca și rolul de susținere pe care îl are procurorul în fața instanței de judecată, cînd procesul penal ajunge pe rolul instanțelor judecătorești prin punerea în mișcare a acțiunii penale față de un subiect de drept.

b) Din categoria persoanelor a căror problemă se examinează, în mod obligatoriu să fie invitați în fața comisiei de disciplină, atît magistratul pîrît cît și petiționarul reclamant.

Obligativitatea menționării pe fiecare soluție, pronunțată în egală măsură, atît de colegiul disciplinar, cît și de CSM, a termenului

de contestație și locul depunerii acesteia.

Art.21 (3), prevede că Consiliul Superior al Magistraturii poate invita, după caz, la ședința sa, membrii colegiului de calificare sau ai colegiului disciplinar, precum și persoanele a căror problemă se examinează. Din economia acestui text de lege, rezultă că CSM poate invita, după caz, pe membrii colegiului disciplinar, precum și persoanele a căror probleme se examinează.

Importanța de a se modifica textul de lege din art. 21 (3), prin eliminarea cuvântului „poate”, și „dupa caz”, este de a se asigura respectarea principiului contradicționalității în cercetarea administrativă..

5) Introducerea prevederii obligatorii în textul de lege, de a se menționa pe soluțiile dispuse de inspecția judiciară din cadrul CSM a termenului de contestație și locul depunerii acesteia.

CSM decide în conformitate cu dispozițiile art.21, 22, 23 și 24 din Legea 947-XIII/1996, modificată și completată, următoarele: toate hotărîrile Consiliului Superior al Magistraturii se publică pe pagina web de internet a acestuia.

„Hotărîrile Consiliului Superior al Magistraturii pot fi contestate la Curtea Supremă de Justiție, de orice persoană interesată, în termen de 15 zile din momentul comunicării.”¹

Nu se prevede în această lege, obligativitatea menționării pe fiecare soluție, pronunțată în egală măsură, atît de colegiul disciplinar, cît și de CSM, termenul de contestație și locul depunerii acesteia. Sub acest aspect, am apreciat

că se impune efectuarea de precizări în acest sens, deoarece în lipsa unor mențiuni exprese, petiționarul poate să înțeleagă că soluția ce i-a fost comunicată nu mai are alte căi de atac, și în genere această procedură vătămază dreptul persoanei vătămate.

Avînd în vedere proiectul Republicii Moldova, de aderare la Uniunea Europeană, propun spre analiză în cadrul universitar, și de prelucrare în sistemul legislativ din Republica Moldova, a sistemului de îmbunătățire și eficientizare a răspunderii administrative a magistraților din Republica Moldova.

6) Eliminarea verbului “a putea (pot)” din textul de lege prevăzut în Art. 60 (1) din legea cu privire la procuratură din Republica Moldova și înlocuirea cu verbul “a fi (sînt)”. Astfel textul de lege propus este:

Articolul 60. Răspunderea disciplinară

(1) Procurorii **sînt** trasi la răspundere disciplinară pentru abateri de la îndatoririle de serviciu, precum și pentru comportament care prejudiciază interesele de serviciu și discreditează imaginea Procuraturii.

7) Stabilirea unei bune definiții a următorilor termeni:

1) Termenul de erori comise de procurori (în ce constă), identificat în articolul 63(1);

2) Termenul de rea-credință identificat în articolul 63(1)

Propun următoarele definiții:

-Erorile comise de procurori se încadrează astfel:

a) persoana care a fost condamnată definitiv în cadrul unui proces penal, dacă în urma rejudecării ca-

uzei s-a pronunțat o hotărâre definitivă de achitare;

b) persoana care în cursul procesului penal, a fost privată de libertate, ori căreia i s-a restrâns libertatea, dacă în urma judecării cauzei sau a rejudecării într-o cale extraordinară de atac, a fost pusă în libertate;

c) persoana care a fost privată de libertate în cursul procesului penal, după ce a intervenit prescripția, amnistia sau dezincriminarea faptei;

-Reaua credință comisă de către procurori se incadrează astfel:

a) Există rea credință atunci când procurorul încalcă, cu știință normele de drept material sau procesual, urmărind sau acceptând prejudicierea unei persoane;

b) Există rea-credință atunci când procurorul nesocotește în mod grav și nescuzabil, normele de drept material sau procesual;

8) Completarea capitolului VIII prin introducerea după art. 33, art. 33¹ cu referire la asigurarea pentru malpraxis a judecătorilor, astfel:

„Judecătorul este obligat să facă asigurare pentru malpraxis în vederea constituirii garanției pentru asigurarea despăgubirilor materiale față de stat, pentru cauzele în care sînt imputabile erori judiciare comise din rea credință sau din neglijență gravă.”

B. Pentru România Legea nr.317/2004², republicată a CSM, este lacunară, deoarece nu cuprinde nici prevederea facultativă pe care o are CSM din Republica Moldova, de a invita în cadrul cercetării judecătorești, pe membrii comisiei de disciplină și nici pe petiționarul reclamant.

Constatari:

1. Art. 46, pct.8, din legea 317/2004², prevede următoarele:

„Acțiunea disciplinară poate fi exercitată în termen de cel mult un an de la data săvîrșirii abaterii.”²

Sancțiunea administrativă pentru statul român, ca membru în Uniunea Europeană, este de pierdere a fondurilor europene postaderare, pe care Statul Român, deși este în drept să le primească în susținerea de proiecte de dezvoltare intercomunitară, le pierde datorită raportului nefavorabil făcut pe justiție, prin analiza activității de eficiență pe justiție, efectuată pentru Statul Român de către Comisia Europeană. De menționat este că toate aceste fonduri postaderare nu se raportează pe buget de la an la an, ele fiind distribuite către alte state membre UE, care în perioada de postaderare, primesc rapoarte favorabile pe domeniile monitorizate de Comisia Europeană.

2. Răspunderea administrativă a magistraților este reglementată și dezvoltată inclusiv în privința conflictelor de muncă. Procurorii și judecătorii nu au dreptul să declare grevă. Interdicția este prevăzută în art.63 din Legea 168/1999³, privind soluționarea conflictelor de muncă din România:

“Nu pot declara grevă: procurorii, judecătorii, personalul Ministerului Apărării Naționale, Ministerului de Interne și al unităților din subordinea acestor ministere, personalul Serviciului Român de Informații, al Serviciului de Informații Externe, al Serviciului de Telecomunicații Speciale, personalul militar încadrat în Ministerul Justiției, precum și cel din unitățile din subordinea acestuia.”³

Avînd în vedere separația pu-

terilor în stat, se constată că nu există nici un organ de stat care să judece pe magistrați, în condițiile în care aceștia intră în grevă la nivel național. Sub acest aspect, apreciez că trebuie reglementată expres în categoria sancțiunilor pentru magistrați, a răspunderii administrative pentru situațiile în care magistrații intră în grevă. Deoarece constatarea sancțiunii ar reveni aceluiași corp profesional, din categoria celor care au intrat în grevă, se constată că există un conflict de interese, prin care magistrații să se judece pe ei înșiși, în cazurile în care conflictele de muncă se declară la nivel de instanță.

3. Constat că Legea 303/2004⁵, privind statutul judecătorilor și procurorilor din România, este lacunară în privința următoarelor:

-Art.99, lit.h) se referă doar încălcarea normelor de procedură de către magistrați, cu rea-credință și gravă neglijență, fără a se face referire de către legiuitor la încălcarea normelor de drept material;

Sub acest aspect se impune a se clarifica atît termenul de „rea-credință”, cît și termenul de „gravă neglijență”.

4. Constat că Legea 303/2004⁵, privind statutul judecătorilor și procurorilor din România, nu prevede implementarea unei condiții și determinări de asigurare pentru malpraxis a magistraților.

O asemenea asigurare ar conduce la înlesnirea atragerii la răspundere a magistraților, sub aspectul că riscurile profesionale pentru despăgubirile pe care ar trebui să le achite magistrații în procedura răspunderii administrativ-patrimoniale, s-ar transfera

către asigurații. Sub acest aspect, acțiunile de regres pe care le inițiază statul împotriva magistraților pentru acoperirea prejudiciilor cauzate din erorile judiciare, se vor putea formula prin introducerea în proces a asiguratorului, care să suporte prejudiciul material, pînă la concurența sumei la care a fost asigurat magistratul.

5) Constat că Legea 303/2004⁵ din România nu are nici o referire cu privire la reglementările introduse de Republica Moldova prin modificările la Legea 514 – VIII⁸ din 06.07.1995, așa cum a fost modificată la data de 03.09.2010.

Recomandări:

A) În plan legislativ pentru eficientizarea răspunderii administrative a magistraților care declară grevă și excepții de la răspunderea administrativă în situația în care toți magistrații participă la grevă:

1. În condițiile în care magistrații intră în grevă la nivel național, recomandam ca această formă de protest să atragă demisia Guvernului;

Prerogativul de constatare a încetării mandatelor premierului și a miniștrilor din guvern, aparține Președintelui, prin decret publicat în Monitorul Oficial. Cu data de publicare a decretului de încetare a mandatului Guvernului, Președintele va desemna un nou prim-ministru, care își va forma noul cabinet în condițiile de acordare a votului de încredere în Parlament. La adoptarea acestei recomandări științifice în plan legislativ de lege ferendă s-a avut în vedere situația de fapt creată în România, potrivit căreia mai mulți judecători de la mai multe instanțe judecătorești,

pe fondul nemulțumirii salariale, expres determinate de neacordarea unor sporuri câștigate de magistrați, în cadrul unor procese în care s-au judecat singuri, s-a generat un conflict de muncă care a condus la blocarea activității mai multor instanțe judecătorești.

Judecătorii au chemat în judecată pe Ministerul Finanțelor Publice pentru a li se acorda sporuri de stres, în cuantum de 50% din salariul lunar. Acțiunile au fost formulate de către magistrați la Curțile de Apel din România, magistrații care au judecat cauzele au pronunțat hotărâri judecătorești rămase definitive, prin care și-au majorat salariile cu 50% pe lună. Ministrul de Finanțe, din lipsă de fonduri publice, nu a alocat buget pentru aceste majorări de salarii, iar magistrații, ca formă de protest, prin înfruntarea art.63 din Legea 168/1999³, au declarat grevă.

Conflictul nu a putut fi mediat nici de către Ministrul de Justiție și nici de către Guvern, motiv pentru care în perioada 09.07.2009 – 13.07.2009, între orele 08:00 -12:00, magistrații au făcut grevă prin refuzul de a intra în procese. Pe fondul acestei grave încălcări a legii de către magistrați, Ministerul de finanțe a emis un ordin de suspendare a sporurilor salariale dobândite de magistrați prin hotărâri judecătorești. Magistrații au chemat în judecată Ministerul de Finanțe, pentru suspendarea ordinului emis de Ministerul de Finanțe. Procesul a fost judecat de către aceeași categorie profesională, care a pronunțat o hotărâre de suspendare a ordinului dat de Ministrul de Finanțe. În acest context, un rol deosebit în deblo-

carea activității instanțelor judecătorești, cu referire la magistrații din cadrul Curții de Apel Bacău, l-a avut Baroul Bacău, care a formulat plîngere penală împotriva magistraților, adresată Consiliului Superior al Magistraturii, Parchetului de pe lângă Înalta Curte de Casație și Justiție, Parchetului de pe lângă Curtea de Apel Bacău, și comunicată spre știința Administrației Prezidențiale a României și Guvernului României.

Rezultatul imediat al acestei acțiuni a fost de încetare a grevei de către magistrați.

Evenimentele create în România de către magistrații care au declarat grevă, în vederea determinării statului român să le acorde sporuri salariale, au generat nemulțumiri din partea altor categorii profesionale, care nu au aceleași privilegii ca magistrații din România, motiv pentru care, în vederea îmbunătățirii cadrului legal prin care să se asigure o eficientizare a tragerii la răspundere a magistraților, propun ca Legea 168/1999³ să se modifice și să se completeze după cum urmează:

2. Art. 63 din Legea 168/1999³, din România, cu privire la conflictele de muncă să se modifice și să se completeze după cum urmează:

(2) Procurorii și/sau judecătorii care intră în grevă, după caz, care refuză participarea la ședințele de judecată la care sînt planificați, se consideră excluși de drept din magistratură, fără alte formalități de constatare prin comisiile de disciplină ale magistraților sau prin hotărâri;

(3) Magistrații nu au dreptul de a formula acțiuni judecătorești, în ceea ce privește stabilirea venitu-

rilor salariale, a sporurilor de serviciu pentru funcțiile deținute, sub sancțiunea inadmisibilității acțiunilor formulate în acest sens, și a excluderii din magistratură;

(4) Decretele de încetare a calității de magistrat, se emit de către Președintele României, la propunerea Ministrului de Justiție în termen de 10 zile de la data de inițiere a formei de protest de către magistrați;

(5) În condițiile în care toți judecătorii de la nivel național participă la grevă, protestul se consideră vot de blam împotriva Guvernului, cu consecința emiterii decretului de către Președintele României, în termen de 10 zile de la inițierea protestului, de destituire din funcție, a primului-ministru și al miniștrilor din cabinet;

(6) Cu aceeași dată de emiterie a decretului de destituire a Guvernului, privind încetarea mandatului de Prim-Ministru și a Miniștrilor din Guvern, Președintele României, desemnează un candidat pentru funcția de Prim-Ministru și numește Guvernul pe baza votului de încredere acordat de Parlament, în condiții art. 85 din Constituția României;

(7) Magistrații care refuză să își exercite activitățile profesionale pe motiv de grevă, se consideră demisi de drept din funcția de magistrat. În aceste condiții, nu mai este necesar efectuarea unui control administrativ, față de care să se pronunțe comisiile de disciplină și, după caz, pe cale ierarhică, instanțele judecătorești. Conflictele de muncă legate de nivelul salariilor și al sporurilor pentru magistrați, sînt exceptate de la Legea Conțin-

ciosului Administrativ. Stabilirea grilei de venituri pentru magistrați și funcțiile asimilate acestora, se face prin lege sau, după caz, prin hotărâri de guvern.

B) În plan legislativ pentru eficientizarea răspunderii administrative a magistraților pentru nerespectarea normelor de drept material sau/și procesual, în judecarea cauzelor

În prezent, răspunderea administrativă a magistraților este reglementată prin art.99 din Legea 303/2004⁵, care prevede următoarele:

„Art. 99. - Constituie abateri disciplinare:

a) încălcarea prevederilor legale referitoare la declarațiile de avere, declarațiile de interese, incompatibilități și interdicții privind judecătoria și procurorii;

b) intervențiile pentru soluționarea unor cereri, pretinderea sau acceptarea rezolvării intereselor personale sau ale membrilor familiei ori ale altor persoane, altfel decît în limita cadrului legal reglementat pentru toți cetățenii, precum și imixtiunea în activitatea altui judecător sau procuror;

c) desfășurarea de activități publice cu caracter politic sau manifestarea convingerilor politice în exercitarea atribuțiilor de serviciu;

d) nerespectarea secretului deliberării sau a confidențialității lucrărilor care au acest caracter;

e) nerespectarea în mod repetat și din motive imputabile a dispozițiilor legale privitoare la soluționarea cu celeritate a cauzelor;

f) refuzul nejustificat de a primi la dosar cererile, concluziile,

memoriile sau actele depuse de părțile din proces;

g) refuzul nejustificat de a îndeplini o îndatorire de serviciu;

h) exercitarea funcției, inclusiv nerespectarea normelor de procedură, cu rea-credință sau din gravă neglijență, dacă fapta nu constituie infracțiune;

i) efectuarea cu întârziere a lucrărilor, din motive imputabile;

j) absențele nemotivate de la serviciu, în mod repetat;

k) atitudinea nedemnă în timpul exercitării atribuțiilor de serviciu față de colegi, avocați, experți, martori sau justițiabili;

l) neîndeplinirea obligației privind transferarea normei de bază la instanța sau parchetul la care funcționează;

m) nerespectarea dispozițiilor privind distribuția aleatorie a cauzelor;

n) participarea directă sau prin persoane interpușe la jocurile de tip piramidal, jocuri de noroc sau sisteme de investiții pentru care nu este asigurată transparența fondurilor în condițiile legii.”

Propun modificarea art.99, din Legea 303/2004⁵, cu privire la următoarele:

1) lit.h) a art.99 să se modifice și să aibă următorul cuprins:

„exercitarea funcției, inclusiv nerespectarea normelor de drept material sau procesual cu rea-credință sau din gravă neglijență, dacă fapta nu constituie infracțiune”

Prin adăugarea textului referitor la nerespectarea normelor de drept material, se va realiza o protecție a justițiabililor, împotriva magistraților care interpretează în mod abuziv normele de

drept material. Legat de acest text, propunem delimitarea a ceea ce înseamna și la ceea ce se referă termenul de rea-credință și termenul de gravă neglijență. Pentru a fi în prezența relei credințe, nu e suficient ca hotărîrea să fie evident eronată, ci trebuie să existe și alte indicii care să ducă la convingerea că magistratul a acționat cu intenție directă de a încălca legea și în deplină cunoștință de cauză.

Propun ca reaua credință sa aiba unul din următoarele înțelesuri:

a) atunci cînd magistratul încalcă cu știință, normele de drept material sau procesual, urmărind sau acceptand prejudicierea unei persoane;

b) manipularea intenționată a instrumentelor juridice de drept material și procesual în scopul prejudicierii părții vătămate.

c) intenția frauduloasă în aplicarea legii, cu consecința prejudicierii părții vătămate.

d) manipularea intenționată a normei legale și a principiilor generale de către magistrat, dacă prin aceasta s-a produs un prejudiciu persoanei vătămate.

În ceea ce privește grava neglijență, evenimentul cauzator de daune sau periculos, care este rezultatul unei acțiuni sau al unei omisiuni, este premeditat și voit de către făptuitor, ca o consecință a propriei acțiuni sau omisiuni. Neglijența condamabilă trebuie să se prezinte ca inexplicabilă, fără legătură cu acele particularități ale situației care ar putea face de înțeles, fără a o justifica, eroarea judecătorului.

Propun ca grava neglijență să

aibă unul din următoarele înțelesuri: **a)** nesocotirea de către magistrat, din culpă, în mod grav și nescuzabil, a normelor de drept material sau procesual; **b)** încălcarea grosolană și nescuzabilă a raționamentului judiciar și a normelor legale, dincolo de o diligență obiectivă, dacă prin aceasta s-a produs un prejudiciu persoanei vătămate; **c)** necunoașterea grosolană și nescuzabilă de către judecător a regulilor în cadrul cărora se desfășoară activitatea acestuia de natură a prejudicia partea vătămată.

C) În plan legislativ, pentru implementarea unei condiții și determinări de asigurare pentru riscurile ce decurg din activitatea profesională a magistraților și pentru malpraxis.

Propun ca în Legea 303/2004⁵, privind statutul judecătorilor și procurorilor din România, să se introduca un nou articol, cu următorul conținut:

„Pentru malpraxis și riscurile ce decurg din activitatea profesională, magistrații sînt obligați să incheie o asigurare de răspundere civilă pentru erori judiciare săvîrșite din gravă neglijență.”

Bibliografie:

1. Legea nr.947-XIII cu privire la Consiliul Superior al Magistraturii, din Republica Moldova

2. Legea nr.317/2004, republicata, privind Consiliul Superior al Magistraturii, din Romania, publicată în Monitorul Oficial Nr. 827 din 13 septembrie 2005

3. Legea nr. 168/1999 privind soluționarea conflictelor de munca, publicata

în Monitorul Oficial, Partea I nr. 582 din 29 noiembrie 1999, art.63, Romania

4. Legea 544/20.07.1995, intrate în vigoare din 08.07.2010, din Republica Moldova

5. Legea nr. 303 din 28 iunie 2004, privind statutul judecătorilor și procurorilor, din România, publicată în Monitorul Oficial Nr. 826 din 13 septembrie 2005

6. Legea cu privire la Procuratură nr. 294-XVI din 17.03.2009 Monitorul Oficial nr.55-56/155

7. Legea 247-XVI din 21.07.2006, Republica Moldova

8. Legea nr. 514-XIII din 06.07.1995 privind organizarea judecătoreasca din Republica Moldova, publicata în 19.10.1995 M. O. Nr. 58

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию В.Н. Китаевой «Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование». – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 284 с.

Данная работа, по нашему мнению, подробно отражает три основных аспекта: а) жестокое обращение представителей человечества к животным, б) мучители животных нередко становятся субъектами преступлений об убийстве людей и причинении им телесных повреждений, в) квалификация преступлений жестокого обращения с животными и их совокупности с другими преступлениями.

В.Н. Китаевой достаточно широко освещен исторический обзор правовой защиты животных от жестокого обращения, отражающий этико-правовые принципы отношения людей к животным (Глава I).

Автор очень правильно констатирует, что общественная опасность преступления состоит не только в том, что жестокость по отношению к животным причиняет им вред, но и в том, что она часто является источником многих преступлений, развивает у детей и юношества низменные инстинкты... способствует распространению жестокости в обществе, проявлениям агрессии, вызывает стрессовые состояния и другие нарушения психического здоровья у свидетелей и потерпевших (с. 66).

В связи с характером мучений животных, предшествующих их убийству, на основе данных следственной и судебной практики отмечается, что эти преступники нередко страдают психическими расстройствами (с. 265).

Монография весьма подробно иллюстрирована данными следственной и судебной практики. Но следует отметить, что не использована украинская литература и данные практики.

При совершении ряда тяжких преступлений (изнасилование, грабег и др.) обязательным элементом их нередко применяется физическое или психическое на-

силие, угроза (запугивание) которого в качестве реальной демонстрируется мучение или убийство животного обычно потерпевшего (с. 152).

В работе подробно отражена роль животных в установлении обстоятельств, характеризующих преступления с использованием животных (для убийств людей, контрабанде, краж) и убийств и мучений животных (Глава V). Подробно отражены орудия и способы причинения гибели и мучения животным (с. 194 – 196).

Немалое внимание автором уделено нападениям животных (прежде всего собак) на людей в связи с ненадлежащим содержанием пород собак, представляющих повышенную общественную опасность для окружающих. Автор привела редкий для российской судебной практики случай осуждения владельца собак за причинение тяжкого вреда и смерти потерпевшего в результате нападения его питомцев (с. 238 – 239). Мы не располагаем данными такой судебной практики Украины, но отмечаем многие примеры по публикациям средств массовой информации о гибели людей от нападений собак, в том числе самих владельцев собак.

Осмотр места происшествия и предметов, являющихся орудием преступления, указывает автор, производится в подавля-

ющем большинстве случаев, а судебно-биологическая экспертиза с целью исследования следов крови по данным категориям уголовных дел, когда требуется решить:

1. Имеется ли кровь на исследуемом объекте?

2. Принадлежит ли эта кровь человеку или животному?

3. Если это кровь не принадлежит человеку, то от какого животного происходит, практически не назначается (с. 226 – 227).

Также редко назначается судебно-ветеринарная экспертиза. Причины этого следующие:

1. Незнание следователями и дознавателями возможностей данного вида экспертизы при расследовании и судебном рассмотрении дел о хищениях, незаконной охоте, должностных и других преступлениях в сельском хозяйстве и заготовительных организациях, а так же на предприятиях, перерабатывающих животноводческое сырье, в торговле;

2. Судебно-ветеринарная экспертиза не относится к перечню обязательных исследований, проводимых в экспертных учреждениях МВД и Минюста РФ. Она производится частными экспертами (ветеринарными специалистами);

3. По этим преступлениям подозреваемые часто признаются в их совершении;

4. Получить акт вскрытия животного или справку ветеринарного врача следователю значительно проще, чем организовать проведение судебно-ветеринарной экспертизы (с. 229).

Также правильно подчеркивается, что судебно-биологическая экспертиза по этим делам прак-

тически не назначается, что затрудняет уточнение многих вопросов расследования (с. 226).

Обстановка на месте происшествия, где находится труп животного и объекты причинения мучений и убийства его, а также связанные с совершенным событием, весьма важны и сложны для их фиксации протоколно.

Отмечая, что на практике редко составляют схемы места происшествия по исследуемым категориям дел, а также контурные схемы с обозначением выявленных при осмотре трупа животного повреждений, автор напоминает актуальную криминалистическую рекомендацию профессора В.П. Колмакова: «Чем больше будет применяться различных технических приемов графического изображения места происшествия, фотографирования его узлов и иных данных, имевшихся на месте происшествия, тем точнее, объективнее, всестороннее и нагляднее будет информация об обстоятельствах расследуемого события»¹.

Специфика совершения преступлений против животных и с их использованием, а также особенности их следов, правильно отмечается о необходимости широкого использования при производстве следственных действий соответствующих специалистов, прежде всего, в области ветеринарии (с. 192).

Совершенно правильно констатирует автор о целесообразности участия в осмотре места происшествия с трупом животного потерпевшего-собственника погибшего животного, который может помочь в идентификации животного, особенностей его экстерьера и выяснения других важных обстоятельств расследуемого события (с. 208).

Когда подозреваемые употребляют мясо убитых в пищу или продают людям, для решения этого вопроса производится су-

дебная ветеринарно-санитарная экспертиза мяса и мясopодуктов (с. 231).

При гибели людей, когда сложно определить характер повреждений на теле и одежде потерпевшего, для разграничения колото-резаных ран и рваных ран требуется исследование судебно-медицинской экспертизы (с. 247), а также иных, например, судебно-зоологической.

В этих случаях при отсутствии достаточной информации о характере и локализации повреждений, причинённых различными видами животных, нередко даются ошибочные заключения экспертов. При наличии в самом заключении противоречий, или его несогласованности с другими материалами уголовного дела, рекомендуется допросить эксперта и/или/ назначить повторную экспертизу (с. 253).

Правильно (с ссылкой на работы других ученых) автором отмечается, что допрос малолетних по рассматриваемым уголовным делам должен производиться только в условиях крайнего дефицита доказательств (с. 201).

В.Н. Китаева приводит данные, что 72 % подозреваемых признают свою вину по преступлениям, совершенных жестоко в отношении животных, а 19,3 % – частично (с. 199).

Автор, на наш взгляд, правильно отметила, что по преступлениям по ст. 245 УК РФ чаще всего назначают мягкое наказание и неоправданно малую сумму возмещения морального вреда (с. 240).

Не высказала свое отношение автор к тому, что по большинству приговоров по делам ст. 245 УК РФ (чаще по 4.2) выносилось наказание в виде лишения свободы условно.

Вероятностный вывод не может рассматриваться в качестве самостоятельного доказательства, поэтому результат примене-

ния служебно-розыскной собаки по следам человека и при выборе объекта на принадлежность (отношение) к подозреваемому не должен рассматриваться как установленное законом доказательство (с. 261).

В.Н. Китаева обоснованно предложила редакцию статьи 245 УК РФ, но нам кажется необходимым ввести положение о запрете боев животных, которые распространяют и внедряют в наше общество жестокое отношение к ним, против которых выступают общественные организации защиты животных.

Монография В.Н. Китаевой «Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование» будет интересной и полезной для следователей, судей, адвокатов, экспертов, ученых и студентов высших юридических учебных заведений, так как она подробно отражает следственную и судебную практику в сфере жестокого обращения с животными.

В. БАХИН,
доктор юридических наук,
профессор
Н. КАРПОВ,
доктор юридических наук,
профессор

ПЕРЕЧЕНЬ публикаций в «Закон и жизнь» за 2010 год

№ 1

Д. БАЛТАГ. Ученый, педагог, воспитатель юридических кадров.

В. ГУЦУЛЯК. К вопросу о механизме применения отдельных административно-правовых норм.

М. ГЕОРГИЦЭ. Формы использования специальных познаний в судопроизводстве Республики Молдова.

Г. КОСТАКИ. Конституция – основной закон страны.

Г. ФЕДОРОВ. Принципы, требования и гарантии законности.

Б. СОСНА. Деятельность гражданского общества в Молдове: успехи и перспективы.

В. ФЛОРИЯ. Классификация врачебных преступлений.

А. БОРШЕВСКИЙ. Нарушение конституционных прав граждан: торговля людьми. Противодействие торговле людьми в зарубежных странах.

А. БЕРЕЗИНС. Отдельные проблемы криминалистической классификации подделок платежных карт.

В. КАЛИН. Актуальные аспекты проблематики современного обеспечительного механизма договора банковского кредита как института гражданского права Республики Молдова.

И. ЯНАК. Конституционно-правовой механизм регулирования правовой пассивности.

№ 2

Г. КОСТАКИ, С. МИШИН. К понятию о конституционном строе.

Г. ФЕДОРОВ. Унитаризм или федерализм?

Б. СОСНА, С. НАМАШКО. Особенности рассмотрения споров экономическими судебными инстанциями.

Т. КАПША. Сотрудничество между Парламентом и гражданским обществом: основные организационно-правовые аспекты.

А. КРЕСИН. Дни сравнительного правоведения в Киеве.

И. ЧИОБЭНИКЭ, А. СОСНА, П. ТАБЭРЭ.

Особенности трудовых договоров в зарубежных странах.

Г. КИВЕРЬ. Некоторые аспекты реализации прав граждан на информацию об условиях труда, согласно законодательству Республики Молдова.

Й. ЮНГМАНН. Государственное регулирование и саморегулирование аудита в ФРГ, Российской Федерации и Республике Молдова.

Ю. ДИМИТРОВ. Коррупция в высшей школе

В. ФЛОРИЯ. Научные исследования украинских коллег.

№ 3

В. ГУЦУЛЯК, В. ЧЕБАН, Е. КОМАРНИЦКАЯ. Деликвентное поведение как предмет исследования науки административно-деликтного права.

Б. СОСНА, В. ДРАГОМИР. О некоторых проблемах применения административной ответственности за правонарушения против общественного порядка и общественной безопасности.

В. ИГНАТЬЕВ. Некоторые пути борьбы с механизмами нейтрализации норм конституции, регулирующих сферу предпринимательства.

В. ФЛОРИЯ. Классификация врачебных преступлений и ответственность за них в законодательстве различных стран.

А. КАЛЬМАН. Судейское право как криминологическая проблема.

Г. КОСЕНКОВА. Некоторые аспекты совершенствования способов защиты прав ответчика в гражданском процессе.

И. ОДИНОКАЯ. Теоретический анализ соотношения социального права и права социального обеспечения.

А. БОРШЕВСКИЙ. Применение норм обычного права в Молдове.

С. КАЛИНА. Проблемы правового регулирования ответственности за правонарушения юридических лиц в области предпринимательской деятельности.

Тудорел ТОАДЕР. Рецензия на докторскую диссертацию В. Флория на тему: «Уголовная ответственность за врачебные преступления» (на румынском языке).

№ 4

Г. КОСТАКИ. «Юридическая» и «фактическая» конституция.

Д. БАЛТАГА, Н. ПАРОШАНУ. Актуальные аспекты проблематики правового наказания в общей теории права.

В. БУЖОР. Преступление: уголовно-правовое понятие и основные признаки (Научный комментарий статьи 14 УК Республики Молдова)

Б. СОСНА, А. ЦЫГАНАШ. Трудовая юрисдикция о понуждении к заключению индивидуальных трудовых договоров.

В. ФЛОРИЯ. Наука криминология в Республике Молдова.

А. БОРШЕВСКИЙ. Внедрение мирового суда в южной Бессарабии (70-е г. XIX в.).

О. ХАЛАБУДЕНКО. Некоторые вопросы систематизации нормативного материала в гражданском праве: взгляд через призму юридических конструкций.

С. МИШИН. Равные права и возможности для женщин и мужчин – основа паритетной демократии.

Л. БОРДЕЙ. Свобода выражения и право на информацию - составные части политического плюрализма.

О. БОЛОГАН-ВИЕРУ. Формы многонациональных компаний (Мк) в национальной и международной правовой доктрине.

№ 5

В. ФЛОРИЯ. Медицинское право как самостоятельная отрасль права.

Л. БАРСУКОВА. Информационная функция государственной регистрации юридических лиц.

В. ЛОГИНОВА. Спосіб вчинення злочину – як основний елемент криміналістичної характеристики розслідування спричинення тілесних ушкоджень.

С. МИШИН. Наука конституционного права о форме правления.

У. КЕТРУШ. Правовые формы государственного принуждения: классификация и особенности.

М. БЫРГЭУ, М. КОГАМОВ, И. БАСЕЦКИЙ, Н. КАРПОВ. “Фундаментальное исследование проблем рецидивной преступности в Украине”.

В. БАХИН, И. ГОРА, В. КОЛЕСНИК. Рецензия на работу М.Ч. Когамова «Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан».

В. БАХИН, А. ИЩЕНКО, Н. КАРПОВ. Светлой памяти профессора-криминалиста Гарольда Ивановича Грамовича.

М. DOGARU. Considerații generale privind răspunderea penală a persoanelor juridice în sistemul de drept din Republica Moldova.

А. ТАЛАБА. Doctrinile penale și influența lor asupra erorii de fapt, ca și cauza care înlătură caracterul penal al faptei.

Представляем Славянский университет Республики Молдова.

№ 6

Г. ФЕДОРОВ. Государство, право, политика (их взаимосвязь и взаимодействие).

Ю. ДЕМИН. Перспективы развития прокурорского надзора в Украине.

В. БУЖОР. Некоторые проблемы социального реформирования молдавского общества.

А. БУЖОРЯНУ, Б. СОСНА. О некоторых проблемах совершенствования законодательства, регулирующего деятельность профсоюзов.

В. ФЛОРИЯ. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

А. СОСНА, П. ТАБЭРЭ. Конституционные принципы равенства и их защита в Молдове.

Ю. ДИМИТРОВ. Борьба с коррупцией – шаг к построению демократического правового государства.

К. ГЕРЕГА. международные конфликты в современном мире: виды и особенности.....

Э. КАРПОВА. Договор довічного утримання

№ 7

В. ГУЦУЛЯК, Р. ЛЮДРИНСКИЙ. Делинквентность: понятие и содержание.

В. ФЛОРИЯ. Ограниченная вменяемость – новая норма в Уголовном кодексе Республики Молдова (ст.23¹ УК РМ).

Г. КОСТАКЕ, О. АРСЕНИ. Институт правовой ответственности органов местной публичной власти в контексте конституции Республики Молдова.

В. ЗУБКО, У. КЕТРУШ. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения.

Г. КОСТАКИ, Н. ГРАДИНАРУ. Предмет Конституции и изменение Конституции.

А. СОСНА, П. ТАБЭРЭ. Административная ответственность за нарушение законодательства о труде.

А. ДЖУЖА, Ю. ОРЛОВ. О закономерностях динамики правовых систем.

О. ГУМІН. Кримінальна насильницька поведінка як негативне соціальне явище.

В. ЧЁРНАЯ. Механизм административно-правового регулирования внешкольного образования Украины.

Л. БАРСУКОВА. Споры о недействительности государственной регистрации юридических лиц (часть I).

NEGRU Nemțoi Gabriela. Concepte și corelații asupra statului funcționarului public european.

№ 8

Б. СОСНА, А. АРНАУТ. Правовое регулирование ответственности за вред, причиненный источниками повышенной опасности.

Mihai CORJ. Unele aspecte privind interpretarea și aplicarea actelor oficiale.

Л. БАРСУКОВА. Споры о недействительности государственной регистрации юридических лиц (часть II).

О. ГОРБАЧ. Административная ответственность несовершеннолетних: теория и практика реализации.

А. БОРШЕВСКИЙ. Права избирателей.

Л. ШЕВЧЕНКО. Детерминация принципов гражданской защиты.

А. СОКОЛОВСКАЯ. Особенности административных санкций за правонарушение в отрасли жилищно-коммунального хозяйства.

В. ЖИТАРЬ. Роль и место женщины в современном обществе.

КУАТЖАН УАЛИЕВ. Формирование личности: влияние общества на преступность подростков.

V. BALAIAN. Aspecte de drept comparat la infracțiunea de omor.

В. ФЛОРЯ. Рецензия на монографию (учебник) «Drept excecutional penal» С. Карп (на государственном языке)

№ 9

Г. КОСТАКИ, С. ЗЛОБИН. Необходимость и значение правосознания и правового воспитания в современном обществе.

Б. СОСНА. Правовое регулирование порядка приема на работу.

Г. ФЕДОРОВ. Что такое чиновничий бюрократизм и как с ним бороться?

Д. МИЛУШЕВ, Е. МАРТЫНЧИК: человек, ученый, педагог.

П. РАИЛЯН. Сущность судебной власти в правовом государстве.

А. КОРЫСТИН. Противодействие отмыванию денег как стратегический элемент борьбы с организованной транснациональной преступностью.

L. BARSUKOVA. Society with limited liability: changes in the legislation.

А. БОРШЕВСКИЙ. Процедура голосования в законодательстве Республики Молдова.

С. МИШИН. Современное понимание парламентаризма.

Cosmin STROE. Paradigma creșterii economice și problematica mediului.

№ 10

Г. КОСТАКИ. Гармоничная взаимосвязь государства и права - важное условие для построения правового государства.

Б. СОСНА. Ответственность за ущерб, причиненный несчастными случаями на производстве и профессиональными заболеваниями

В. БАХИН, Н. КАРПОВ. Судить должны профессионалы, а не дилетанты (Суд присяжных давно необходимо заменить коллегией профессиональных судей).

О. ХАЛАБУДЕНКО. К вопросу становления

понятия «юридическая конструкция»: методологический аспект.

С. МИШИН. Функции парламента – определяющий фактор ценности высшего представительного органа государственной власти.

Л. БАРСУКОВА. Федеральный закон о государственной регистрации юридических лиц: дискуссионные проблемы.

В. ФЛОРЯ. Противодействие расследованию врачебных преступлений.

О. КАЛАЧЁВА. Субъекты уголовного процесса на досудебных стадиях судопроизводства Республики Молдова и Украины: сравнительно-правовой анализ.

А. БОРШЕВСКИЙ. Национальные меньшинства и проблема толерантности в современной Молдове.

Р. АЛИМКУЛОВ. Основные положения Кодекса «О таможенном деле в Республике Казахстан».

Н. КРИСТЕВА. Субъекты права удержания и круг их полномочий.

№ 11

Б. СОСНА. Прекращение индивидуального трудового договора в связи с признанием его недействительным решением судебной инстанции (п. с) ст. 82 ТК РМ).

Н. СЛУТУ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ПЕТРИКОВА. Правовое регулирование охраны и гигиены труда.

В. ФЛОРЯ. Научное исследование проблем судебно-медицинской экспертизы (СМЭ).

П. РАИЛЯН. Роль и значение судебной власти в системе разделения властей.

А. ЛЕМЕШКО, Е. ОВЧАРЕНКО. Привлечение судей к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных решений в Украине: проблемные аспекты.

В. ЧАБАН. Основные черты нормативно - правовых актов.

О. КУЧИНСКАЯ. Некоторые вопросы принципов уголовного процесса в Республике Молдова, Российской Федерации и Украине.

А. ТИХОМИРОВ. Теоритические аспекты классификации функций государства.

Н. КОДРЯНУ. Правовое регулирование страховой деятельности в Республике Молдова.

Н. КРИСТЕВА. Правовые аспекты прекращения права удержания.